

18+ Михаил Гарберман

Перемена

Михаил Гарberman

Перемена

«Издательские решения»

Гарberman М.

Перемена / М. Гарberman — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-532619-5

2006 год. В маленьком городе на краю одной большой страны шестеро школьников решают открыть собственный кинотеатр. В его сеансах нет мультфильмов, зато полно мата, импровизаций, безвкусицы и подросткового нахальства. Огромная популярность, свое шоу на ТВ, деньги не принесут им радость. Они думают, что это самый ужасный период в их жизни. Они еще не знают, что скоро станут взрослыми, а школьная перемена превратится в настоящую. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-532619-5

© Гарberman М.
© Издательские решения

Содержание

Про меня	6
Про новую школу	9
Про субботник	13
Про бабулю	16
Про поездку на природу	23
Про эксклюзив	30
Про урок музыки	41
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Перемена

Михаил Гарberman

© Михаил Гарberman, 2021

ISBN 978-5-0053-2619-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Про меня

Я родился в 1993 году. Занимался всю жизнь одними глупостями, совсем ничего и никого не создал. Мне скоро тридцать, из достоинств только восьмилетний кот. У родителей в тридцать был восьмилетний я. Все силы уходят на борьбу с прокрастинацией, а как дело доходит до битвы за пользу, то я уже устал.

Выходные дни пожирает съемная квартира. Удивительно, сколько я произвожу мусора, поглощая еды и вылепливаю из нее тот же мусор. Жизнь медленные песочные часы. В последнее время горлышко в них раскрыли так, что жизнь разогнала до предела. У меня вместо песка сыпется кошачий наполнитель. Высыпашь его в полиэтиленовые мусорные пакеты после кота, и грустно так. В такой жизни обращаешься только к прошлому. Последние лет пять я катаюсь по кольцевой линии далекого воспоминания, по кругу одиозного и глупого 2007 года. Думаю о прошлом, в котором было только настоящее и никакого тебе светлого будущего.

Светло было там. Тебе лет пятнадцать-шестнадцать, планка юмора понижена, телевизор сам от тебя прячется, интернет не вылился наружу. Песни честнее, эмоции правдивее. Идиотская «Попытка №5» ВИА ГРЫ, текст которой впечатался в память без усилий, еще перевешивает плейлист, составленный нейросетью. Все вокруг было несерьезно, была легкость бытия. Потом я моргнул пару раз. Эпоха этих ваших игрушечных дипломов, которые тебе вручили после двадцати двух, прошла. Пора выдумывать смысл жизни. Но нет его. Как бы ни искал.

Поглядываешь на этих ровесников на почти руководящих должностях, на семейные парочки с милыми и смешными детьми, или – хуже! – на стартаперов с деньгами – да и вздохнешь. Зависть к ним была бы понятней. Да нет ее тоже, одно сплошное сожаление о потерянном куске. Как застрял нулевых, так там и остался. Глядите, я нашел себя, мое призвание в бесконечном проживании этого года. Идут к черту карьерные лестницы с ножами вместо ступеней.

Как-то вернулся я после тяжелого рабочего дня в комнату с не заправленной кроватью. Тяжелый рабочий день у всех моих ровесников к тому времени превратился в период разговоров разной степени тяжести. Я глупенько забылся в сидре и музыке. Еще друзья приехали, играли в «Угадай мелодию» для старперов, обожаю. Врубаешь им «Он носит крылья в рюкзаке, мечтает и грустит о ком-то» или «Я как Юрий Гагарин в твоём микрокосме...», и глядишь за реакцией. Сначала губы в восхищенном выдохе вытягиваются в трубочку, одновременно глаза узрели Господа Бога посреди хрущевки. Потом эти возгласы вроде «Да! Это же та песня! Да я под нее на школьной дискотеке!». Потом фаза расправы над теми, кто не узнал песню: «Ты что, дура? Ну блин, как не узнала? Даже Саша узнал, он такое говно не слушал! Как слушал?! Красава!».

Затем минут сорок алкогольный дурман выкачивает из твоего рта все воспоминания об одежде, прическах, субкультурах, идиотских конфликтах. Ничего из этих слов даже близко к оскорблению того периода не подбирается. В конце растет грусть, включаются медляки, множатся пустые бутылки. И вот, громогласный шорох кота в лотке. Скоро по всей квартире разнесется запах дерьма, друзья уедут в другие съемные квартиры, а ты останешься все убирать. Принимаешь душ, падаешь на простыни, засыпашь тяжелым сном. Снится тебе ерунда.

Но в один из дней я не заснул. Снова сел на диван, закурил. Решил почтить память умершей беззаботности и отчасти себя пятнадцатилетнего. Решил написать это, и все искал с помощью букв ту легкость, ту воздушность. Даже думать не хочется, получилось ли.

Я вырос не тут, не в столице. Это был городок Палатинск на востоке большой страны. Не прыщ на карте, найти можно, но индивидуальности никакой. Это не древний град, которому даже люди не нужны. Краеведческий музей гордо гласит, что Палатинск был построен согласно плану и удобному расположению. Правда, посреди был непролазный таёжный лес и критерии удобства остались загадкой. Никаких исторических битв за клочки земли, он квад-

ратный. Честно, у него границы идеально прямые, нужные для разделения с другим запланированным городом.

Десятки лет город принимал огромное количество ссыльных, беженцев, иностранцев, треть из которых за пределы квадрата не выбрались. Они стали нашими дедушками и бабушками. Наши мамы и папы строили город по выдаваемым планам, не забывая и о своей культуре, наводнив свежие улицы обычаями и языками. Везением было невмешательство остального мира. Столица страны была так далека, так неведома, что ни телефон, ни новости никак не сблизили Палатинск со своей собственной страной.

Символом затерянности городка может служить мальчик по имени Андер, который до совершеннолетия думал, что он, его мама и бабушка единственные в мире говорят на шведском языке. Его даже на местных марках печатали лет тридцать назад. Бурлящий плавильный стакан цивилизации потратил еще поколение, чтобы разрастить до котла. Именно в котле уже родился я и мои школьные друзья.

К осени 2006 у меня был свой опыт молекулы, что оттолкнулась от днища этого котла, устремилась к поверхности, к свету и воздуху. Наверху тоже было днище, но новое, неизведанное. Я закончил первую ступень, семь классов проведя в атмосфере игнорирования школы как жизненной силы. До выпуска оставалось два года. Друзей в той школе не было, только заменители, идентичные натуральным.

Жизнь тогда была обычной. Прелесть была в беге по гаражам, в валянии на траве заброшенного стадиона, в дефицитной колбасе, которую отец доставал к новому году. В общем, стандартный набор выросшего в глуши. Забыл представится, меня зовут Савва Хасларту. Не пугайтесь, тут много идиотских фамилий, не забывайте о котле. В то лето 2006 года я должен был перевестись в новую школу, в другое здание, к другим людям. Подростков пугают другие люди.

Эти два года школы отравили мое дальнейшее существование тем, что я был счастлив. Вот и дорос до состояния, когда хочется забыть счастье. Без него быть частью общества гораздо легче.

Про последний август перед новой школой.

Разноцветные листья скоро будут кружиться под лучами холодного солнца. Пока что я бездельничал перед школой. В последние выходные в августе мы с двоюродным братом Томашем (Васильев, фамилия по матери) поехали в центр. Там, пьяные от летнего воздуха, мы гуляли. Еще плюс двадцать на улице, мы в футболках.

Маленький автобус, который назывался в народе «комок», отвез нас на городскую площадь. Мы сидели на скамейках, что опоясывали круглый неработающий фонтан. Голуби скользили по черноватой от копоти выхлопных труб брусчатке.

– Будешь хот-дог? – спросил я брата.

– Давай, – как всегда, сдержанно ответил он.

Мы сбегали в соседнюю палатку с едой, и скоро у нас в руках дымились хот-доги с химозным майонезом, горчицей и кетчупом. Мы ели и смотрели на людей. Они были яркие, цветные, с розовыми полосками в длинных челках, с прекрасной шашечной одеждой, в широких кроссовках с белоснежным шнурками. Я особенно любил смотреть на гетры девчонок, в черно-розовую полоску. Они были веселые, но тщательно скрывали это за напускной модной грустью. Кто бы мог подумать, что станет модным через каких-то десять лет, что радость маскируют грустью. Скейтеры постукивали колесами. Девушки облизывали пирсинг. Мир обожал со вкусом жить. Компании разноцветных людей плавали в океане жизни провинциального города. Томаш тогда заметил, что в каждой компании обязательно был один жирный эмо.

Мы пошли по улице, встречая старшеклассников, что раздавали листовки, неизменно гордясь первым заработком. Парочки целовались на скамейке, касаясь друг друга длинными волосами. Кажется, пройди я голым по центральной аллее, люди бы подошли и спросили, шутка ли это, а некоторые отбитые бы присоединились. Нет небезопасности и унижающего

смеха. Смех тогда был совершенно безобидным. Ну, или когда ты подросток. Все никак не могу понять, что важнее в воспоминаниях – две тысячи седьмой год или то, что я подросток.

Мы дошли до первого и единственного фаст-фуда, где толпа брала кассы штурмом по восемнадцать часов в день.

– Здрасьте, нам чизбургер, рис с белым соусом, картошка и молочный коктейль, – улыбался я, отсчитывая деньги. Банковских карт почти ни у кого не было, только наличные.

Мы с братом ели, вкус дурманил сытостью. Вокруг копошились дети, потому что все подобные кафе обожают зазывать детей, но кормить их родителей. Поеввшие до отвала, мы продолжали гулять «вверх-вниз». В Палатинске одиннадцать холмов, и это ужасно.

В кинотеатре (билет стоил полтинник) посмотрели, кажется, «Людей Икс». Даже они были совсем другие. Мы шли обсуждая, что по главному каналу страны показывают плохое аниме, лучше бы вообще ничего не показывали. С местного ДК нам навстречу выплыла целая толпа людей с концерта то ли SLOT, то ли Элизиум. Группа чудом добрались до нашей задницы мира. Я вспомнил про свой Canon 350d, самая влиятельная зеркалка в мире. Мы фотографировали людей, не подозревая, что спиртуем воспоминания в эти зеркала. Эти фотографии мы потом потеряли, их так никто и не посмотрел.

Домой в тот день я добрался с купленной в местной палатке пиццей. Брат погрузился в свои невероятные бумажные приключения. Он был президент школы, готовился к новому учебному году. Потом мы смотрели «Клинику», вроде как шестой сезон. К вечеру я заперся в своей комнате, выпустил хомяков гулять в огромном тазу с высокими бортами. Растянулся на диване. Мама и папа должны скоро приехать с работы. Обычно я ходил встречать их на остановку, это было около семи часов. Но сегодня не пошел. Я слушал Rammstein и ООМРН, потом радио, где играла самая качественная поп-музыка в мире.

Я был счастливее хомяка в тазу, что с хрустом ел вкусняшку.

Про новую школу

К восьмому классу первое сентября я не встречал долго. В пятом произошла какая-то заминка, в шестом был переезд, в седьмом я проспал. И вот я поступил в лицей №2, его называли Северным. Он был ровно в шести сотнях шагов от крыльца моего дома. Раньше мне нужно было ехать две остановки в мазутном автобусе, но я не любил автобусы, всегда ходил пешком. Теперь я мог спать до восьми двадцати. Занятия начинались в 8—45, урок длился сорок минут. Узнав, что в больших городах школьники тратят час (!) на дорогу в один конец, я долго не верил.

Я бывал в этом лицее раньше. Пару раз мы появлялись тут на выборах. Там за столами, в рекреации около 25-го кабинета, сидели такие тётки настороженного вида. Между ними циркулировала рыжая в очках и вечно всем чего-то высказывала. Мы с мамой быстро ставили галочку, после шли в столовую и там набирали еды. Буфет был истинной целью, а не демократия.

В лицее с первой ступени учился мой брат Томаш. Между нами семь месяцев разницы. Он обожал торчать в школе, строил из себя черт знает что и носил пиджак. Из-за Томаша мне пришлось два раза бывать в лицее одному. Он вечно забывал оставить ключи у соседей для меня. Помню, как испуганно заходил в здание, поднимался в класс. Ждал перемены, находил кабинет, входил и попадал в центр внимания. Его одноклассники хищным подростковым любопытством оглядывали меня. Томаш еще назло медленно вытаскивал ключи из рюкзака и вручал мне.

Теперь мне сказали, что я буду ходить в этот лицей каждый день.

Лето, июнь месяц. Домой приходит Томаш, находит меня, лежащего на диване и мирно читающего фантастику. Кладёт передо мной раскрытую тетрадь, в которой его мелким бисерным почерком исписано две страницы.

– Буквы, надо же, – пробормотал я, глядя на рукопись.

– За лето придётся тебе это всё прочитать – буркнул он. – Я проверил, у бабушки всё есть в библиотеке.

– Зачем читать?

– Ты идешь в мой класс с углубленной по литературе, – фыркнул брат. – Потом ещё дневник читателя будешь писать.

– А это чего?

– Это такая тетрадка, в которой всё краткое содержание и твои мысли. – Он провёл рукой по страницам.

– Не буду.

– То же самое хотел сказать Марианне, да только передумал.

– Марианне?

– Рыжему завучу. Она учитель литературы.

Всё лето мы вдвоём давились томами, но я старательно записывал всё в тетрадь. Читать-то я любил, у бабушки была огромная библиотека, жила она в десяти минутах ходьбы от нас. Томаш фелонил и списывал у меня.

За два дня до первого сентября мы с мамой явились в лицей, чтобы эта Марианна устроила мне проверку на прочность. Как оказалось, это та самая рыжая с выборов. Поднялись по огромной лестнице, зашли в образцовый кабинет литературы. Мертвые писатели смотрят с портретов. Тут пыль боялась садиться на дряхлое пианино в углу.

Сел я перед Марианной. Она смотрит, дыру ищет у меня на лице или сама её прожечь хочет. Слушала маму минут двадцать, потом и говорит:

– Ну давайте, я ему сейчас устрою небольшой диктант, чтобы рассмотреть всю степень его подготовки.

Дала листок, ручку, попросила разобрать предложение по составу. Конечно, подлежащее и сказуемое я не нашел, подчеркнул слово «человека» волнистой линией (как прилагательное). А тут к ней в класс заходят родители школьников на собрание. Все слушали как меня отчитывают. Решив окончательно добить бедного Савву, Марианна нарисовала на доске ритмический рисунок стиха, состоящий из закорючек и палочек. Спросила, что это такое.

– Не знаю, – пожал я плечами. Мама смотрела в окно.

– Мы обсудим с твоей мамой, а ты подожди за дверью.

– А тут нельзя посидеть?

Марианна так впиалась глазами, что я пулей сверкнул вон из кабинета и стал бродить по этажу. Совершенно пустая школа, ботинки создают эхо. Знаете, как после кинотеатра, выходишь на обычную улицу, и реальность кажется измененной. Неестественная тишина. Но тут послышался скрип. Похоже на гвоздь по стеклу, сочнееший, убедительный скрип. Любопытство понесло мои ноги в ту часть этажа. Там было темно, свет из окон не долетал.

Скрип был за дверью туалета.

– Давай, падла! – раздался мальчишеский голос изнутри.

Рука сама открыла дверь. Там стоял парень моего возраста, в жилетке, с прической «горшок», и откручивал раковину мужского туалета.

– О, привет! В коридоре никого? – Его голос подходил любому сорванцу в мультфильме или кино.

– Н-нет.

– Отлично! Помогай.

– Аа... что делать?

– Надо открутить раковину и спрятать в подсобке, пока Фея не нашла.

– Фея?

– Не лесная, это завхоз. Ну чего встал, давай.

Раковина была старая, железная, держалась на двух болтах. Аккуратно, с дотошностью инженеров, мы с парнем открутили два оставшихся болта. Зачем – неясно, но мне очень понравился процесс.

– Ты брат Томаша? – спросил парень.

– Ага. Пришел к Марианне на собеседование.

– О, значит одноклассник. Я Славик Лиор. Только Славик или только Лиор. Ну, пойдём, дорогая. Тяжелая-то.

Он взял раковину, но тяжеловатая посуда требовала помощи и от меня. Мы вышли в коридор и понесли ее к лестнице.

– Несем в подсобку. Она на первом этаже. – Парень сдувал волосы с запотевшего лба.

Я внезапно испугался, что ж я творю. Но внутренне чувство намекнуло о разумности действий. В такие годы рамки разумного, конечно, такие. Мы со Славиком пересекли огромный холл, по широкой лестнице спустились вниз, и прошли в подсобку под ступенями. Лиор толкнул дверь, за которой густая темнота:

– Заносим. Так, сюда клади. Да куда, блять! Вот сюда. Теперь пошли, пошли!

Мы быстро вернулись на второй этаж. Но пошли в другую сторону – как раз к моему кабинету. Мама оттуда еще не вышла.

– Зачем прятать от завхоза раковину? – спросил я.

– Заставила перемывать класс. Знаешь, почему? – Славик артистично махал руками. – Застала, как мы выливали грязную воду после уборки в унитаз. А надо в раковину. Теперь нет раковины. Я пойду, нам на базар еще с родителями.

И ушел, будто его не было.

Поразмыслить над кражей раковины я не успел. Вышла Марианна, с напускной торопливостью, и моя мама.

– Савва, мне очень жаль, но способностей для литературного класса у тебя нет. Сходите в другой класс, там уровень попроще. К тому же в литературном классе, там шестеро ребят всего. Много хулиганства. В общем, в другом классе спокойней.

Но я поступил. Мама сходила в школу снова, взяв с собой сонного отца. Папа клялся, что слово не вымолвил, пока она говорила с рыжей. До сих пор верю, что все вокруг можно решить при помощи разговора и без капли действий.

Первого сентября, с букетом цветов, сорванных с ближайшей школьной клумбы, я стоял в толпе школьников. Пар изо ртов клубился. Мама и я с трудом отыскивали класс. Был бы Томаш тут, было бы легче. Но он стоял на крыльце, позади учителей и администрации. Всё напоминало живой концерт рок-группы, вышедшей в тираж. Директор в свитере срывает последние перед похоронами лета аплодисменты. В руках у меня была небольшая видеокамера.

– А вот и седьмой класс. – Мама приобняла, потом поправила цветы и оберточную бумагу. – Не хулигань. Держись Томаша, он хороший. Береги камеру, другой у отца нет.

Мать оставила меня с толпой своего нового класса и ушла. Я обернулся. Девчонки стоят парами или тройками. И только шестеро парней вместе. Один из них – Славик.

– О, это ты! Взяли? – спросил он.

– Ага. Раковину не нашли? – спросил я, не чувствуя конфуза.

– Не проверял еще.

– Ты спер раковину? – удивился высокий парень, со светлыми волосами, и странно длинными руками.

– Мы вместе, – подмигнул Лиор. – Ты кто кстати?

– Савва.

– В этом городе есть хоть одно нормальное имя, – вздохнул долговязый.

– Это Никита, мы зовем его Киткат. Фамилия Торату-Таволайнен. – Лиор сильно пнул парня. – Наполовину молдованин, наполовину финн. Это Стефан. Это Ладислав, но вообще Ладушка.

– Пошел в зад.

– Он невежливый жуть. Так, это Марк. Ну и твой брат воон на том крыльце.

– Эээ... Савва, – только и вымолвил я.

Мы не пожали рук, и с тех пор ни разу не пожимали рук друг друга. Это считалось у нас неестественным.

– Ты будешь это снимать? – спросил Стефан, пухлый и дружелюбный.

– Не будет он эту чушь снимать, – властно махнул рукой Никита. – Лиор, устроим представление?

– Да, мой капитан! – Парень картинно выпрямился, руки по швам.

Выглядело это странно. Внезапно шум толпы возвестил об окончании линейки. Забыв все имена, я влился в толпу и поднялся по лестнице.

Нас завели в класс, рассадили, мы стали ждать классного руководителя. Я сидел рядом с девочкой, за моей спиной – Никита.

– Псс! – Это был его голос. – Доставай камеру.

Я достал камеру и обернулся.

– Да на меня камеру. Так. Вот это банка газировки, – говорил Киткат в объектив, – тряслась два месяца у папы в машине. Сможет ли поймать ее Лиор. Э! Лови!

И швырнул ее через весь класс. Банка пролетела над серединным рядом и чудом угодила в руки Лиору.

– Мальчики, вы опять начинаете! – раздался девичий голос с другой парты. Да, это была отличница.

– Ххха! – Славик швырнул банку с газировкой обратно Таволайнену.

И понеслась. Раз-два – банка на нашей стороне. Три-четыре. Никита голосил на камеру, и я тряса от смеха. Пять-шесть. Ладислав поймал ее на последней парте. Семь-восемь. Банка прилетала по лбу толстячку, он чудом не уронил ее на пол. Девять-десять. Банка снова у нас.

– Теперь не поймает, – зашипел Никита и со всей силы швырнул ее Славику.

Славик не поймал. Банка ударилась об стену. Одиннадцать-двенадцать. Она взорвалась именно в тот момент, когда открылась дверь и вошла по виду учительница. Класс захохотал, я еле держал стабилизацию камеры. Это была математичка. Струя отвратной сладкой воды смыла фиксирующий гель с ее головы. Она случайно зашла в класс, это был даже не ее кабинет, она за мелом заглянула. И получила в табло.

Нас отругали, мы отсидели классный час. Расписание на второе сентября записано, кабинеты указаны, конфеты от детей на отдельном столе, цветы в вазах. Все ушли, не попрощавшись. Я брел свою норму шагов обратно до дома.

– Э, Сав! – Это был Стефан. Он догнал меня. – Ты очень удачно с камерой пришел.

– Ага, – сказал я, пожав плечами. – Часто такое происходит?

– Ой, каждый день, Сав. Каждый день как военная операция.

Про субботник

Спустя три недели я привык к трем вещам. Первое – нахлынувшая учеба, где я уже бойко отвечал у доски, марая пиджак мелом. Второе – глубочайшее удовлетворение от того, что школа рядом. Третье – шоу Лиора и Китката, которые отказывались вести себя по-человечески.

Я совершенно безболезненно влился в команду мечты. За первые три недели из обрывков разговоров, из ответов на мои вопросы я узнал больше об одноклассниках. Никита обожал чипсы и сухарики и был билингвом с родным финским языком. Ладислав, или Лад, иногда красил волосы, чем заслужил прозвище Ладушка. Он всегда походил на охранника, любил наше общество и терпеть не мог одиночества. Романтичный гопник. Лиор жил к югу от школы, шагов, кажется, в двух тысячах. Милый мальчик с татарской фамилией (он так утверждал), который всегда учился лучше всех. Родители жили в деревне в четырехстах километрах от города, так что Славик жил с тётёй, с коврами и чешским сервизом на двенадцать персон. Стефан тоже был отличником, имел громогласную фамилию Бустендорф. Жил в двух остановках отсюда, был евреем, но говорил, что фамилия немецкая. С ним невозможно поспорить, но он умудряется не быть терпилой. Марк Войцевски жил в деревенском доме с отцом-поляком. Отец был тихим, жившим на доходы от двух сдаваемых в центре города квартир, а для души разводил куриц. Марк не знал ни слова по-польски, ненавидел деревню, куриц, и ждать восемнадцати лет, чтобы занять одну из квартир. В его доме радио играло постоянно. Стоило в эфир попасть «До скоро встречи» Зверей, и у него была запись.

В двадцатых числах сентября мы приняли известие о субботнике. Разумеется, Стефан сообщил, что в его традиции субботники не приветствуются. Но про субботу никто не говорил. Когда приближался субботник, проводили его в четверг и пятницу. Нам повезло, мы убирались в пятницу, на утренних уроках труда.

Трудовика звали Горыныч. Это такой мужик за пятьдесят, с громадными морщинами на лице от бурной молодости. Никакого педагогического образования не имел и воспитывал учеников только с точки зрения мужика. Мат для него – не ругань, это составная часть речи. Уроки у него были всегда одни и те же. Каждый год в течение двух лет мы начинали делать граблю для взрыхления земли в цветочных горшках. Горыныч рисовал нам чертёж на доске, за шесть-восемь уроков мы старательно занимались изготовлением. Само собой, все у нас интеллигенты, дара работы с металлом лишены. Особенно отличался Таволайнен. Он умудрялся делать граблю, у которой концы торчат в разные стороны. Горыныч собирал сделанные грабли, выкидывал их в мусорку, ставил пятерки, и мы начинали делать новые. Ни одной грабли на память мы так и не стащили.

Его уроки всегда были утром в пятницу, мы часто готовились к другим занятиям в это время, если нечего делать. Но в эти два первых урока нам предстояло убирать территорию хозяйственного двора. Это кусок территории лица, с которого производился вывоз мусора.

– Всё убранное с других участков часто сбрасывают сюда, – кивнул Стефан.

– Так это что же, мы убираемся на помойке?

Стефан улыбнулся.

Утро, мы всемером, с одинаково старыми средствами подметания в руках, мерзнем. Таволайнен был с метлой. Он бегал с ней еще утром по школе, попытался взлететь перед кабинетом директора. Мы вышли на священную землю, презрительно обвели взглядом грязный участок, и вздохнули.

– Вы вот это вот уберёте, – махнул рукой трудовик на кирпичную стену и строительный мусор под ней, – вон там подметёте, здесь оформите.

– Обещаем, всё сделаем в лучшем виде, – отрапортовал Томаш. – Можно начинать?

– Он у вас всегда такой важный? – повернулся к нам трудовик

– Мы работаем над этим, – улыбнулся Лиор.

– Приду скоро, проверю, – отозвался трудовик и повернулся спиной.

Поначалу мы убирались, упорно мели пыль в разные стороны. Выстроились в круг и просто передавала друг другу грязь. Скука. А скука зажигает монстра. Я достал камеру и начал снимать. Прислонился к кирпичной перегородке, непонятно зачем построенной. Славик, не имея ни малейшего желания вести уборку, начал подбрасывать свой веник в воздух.

– Р-р-раз! Дв-а-а-а! – задыхался от усилий Лиор, кидая веник в воздух. – Ура, веники летают!

Остальные ребята тоже присели, наблюдая за шоу.

– Рра-з! – Веник взмыл в воздух. – Двв-ва!

– Славик, они рассыпятся! – заорал Бустендорф. Прутья были скреплены заржавевшей проволокой.

– Трри!

Наступила изюминка. Окна спортзала за стеной выходят на территорию хозяйственного двора. Я до сих пор не могу понять, на кой чёрт их сделали вместе с подоконниками. Они на высоте пяти метров, ведь ни с одной стороны до этих окон не добраться. Славик снова подбросил веник вверх. Веник упал аккуратно на подоконник. Допрыгнуть никак нельзя, а сам веничек падать вовсе не собирается.

– Хреновенько, – протянул Киткат.

Лиор надул губы и не сдался. Он схватывает первый лежащий веник и начал им размахивать

– Р-р-раз! Дв-а-а-а!

Второй веник добирается до подоконника, чуть зависает в воздухе, и укладывается рядом с первым. Теперь их там две штуки.

– Сволочь! – завизжал Лиор.

На Китката вдруг напал хохот. Славик, не растерявшись, схватывает третий веник и подбрасывает его вверх. Конечно, ситуация на миллион, меткостью Лиор никогда не славился. Но НЕУЖЕЛИ ТАК СЛУЧИЛОСЬ, что и третий веник застрял на том подоконнике? Да, он был там.

– Славка, это как! – проикал Стефан, загибаясь от смеха. – Тебе не снять их.

– Слушайте, а! – Томаш был не в духе, подходя к нам с граблей. – Давайте убирать, а то после уроков оставят.

– Ты издеваешься? – орал Славик. – Чем убирать? У меня там наверху три веника!

– Это кто же тебе выдал сразу три веника? – улыбнулся Томаш.

И тут до меня дошло. Лиор ведь кидал наши веники после застрявшего своего.

– Так, – медленно, но грозно протянул Томаш.

– Да щас сниму! – закричал Лиор, мечась в разные стороны. – Только не нервничать, не нервничать!

– Как ты их снимешь, их только сбить можно.

– Да я и хочу сбить! Киткат, дай метлу.

– Шел бы ты, она там тоже застрянет.

– Нет, она огромная!

– Там я на подоконнике помещусь, он большой, она застрянет!

– И что ты будешь делать? – спросил Ладушка.

Славик остановился, покосился взглядом на веник, зажатый в его Лада, и тут же схватил его.

– Э, э, погоди, – заиграл мускулами Лад.

Куда там. Лиор молниеносно выхватил у Ладушки веник и подбросил его вверх. Теперь уже выше всех.

- Ты куда закинул мой веник? – тут же заорал Ладушка. – Да мне голову оторвут!
- А мне её вообще открутят! Подумаешь, веник.

Ладушка поднял голову вверх. Лицо его исказилось от ужаса, и он отбежал в сторону. Лиор не успел. Четвертый веник сделал своё дело. Он залетел на подоконник, задел предыдущие три вместе с куском кирпича, что лежал там веками. Они всей компанией полетели вниз, на родину. Когда Славик поднял глаза, он встретился с кучей материального и тяжёлого.

Глухой стук. Сначала от обрушившихся веников, потом от Ладислава. Он от смеха упал прямо на старую бочку с ржавыми обручами. Бедный Лиор стоит в пыли, больно чешет свою голову, и чуть не рычит от злости. Даже Томаш захохотал.

- ЛОВИ! – раздался истошный вопль за моей спиной.

Я оборачиваюсь. Из-за перегородки вылетает ржавое ведро. То самое ведро, в котором Стеф пару минут назад вышел выносить мусор. Ведёрко устремилось в Лиора, но он отбежал. Оно с диким грохотом падает на землю, и из-за угла выходит Стеф.

- Веники достали? Давайте в волейбол играть. – предложил он.

– Ведроидный волейбол. – Киткат смотрел на ведро как на алмаз в царской короне. – Правила простые. Две команды швыряют ведро через эту перегородку.

Камера фиксировала первые соревнования по вновь изобретенному виду спорта. Мы начали перебрасывать мусор, метлы, ведра через перегородку. Главное – подкинуть высоко, иначе ограду не преодолеть. Шум, треск, гам, истошные вопли. Таволайнен потом ввел усложнение – надо крутить на талии ржавый бочковый обруч, пока ловишь ведро. В лицее началась перемена. Школьники из окон смотрели, как сумасшедшие играют в «ведроидный волейбол».

Веселье было прервано гневными матами трудовика. Затем артиллерия подоспела в виде классной руководительницы, Анатолии, нашей милой пожилой дамы. Тут началось. Да как вы можете, у нас комиссия ходит по коридорам, да что вы невоспитанные такие. А мы стоим, все в пыли, куртки кое-где порваны, и блаженные такие. Потные и дышим тяжело. Томаш отрекся, что участвовал.

В понедельник мы только этим и гудели. На «окнах» (так назывались пропуски занятий) мы собирались у меня дома и смотрели мое видео. Это была истерика.

– А ты можешь сделать две-три болванки с видосом? – спросил Марк. – Пусть о нас узнают в соседних классах.

- Королева поддерживает, – кивнул Таволайнен.

- Тогда все будут видеть, что это мы, – сказал я, уже согласный.

- Ну а кто ж еще? – подмигнул Марк. – Даже без монтажа это очень круто.

Фраза «А кто ж еще?» с того момента прицепилась к нашей компании.

Про бабулю

Прошла половина учебной четверти. Казалось, летние каникулы были десятки тысяч лет назад. Наше видео завирусилось. Тогда мобильники были не у всех, ИК-порт был в новинку. Но Марку пришла идея с помощью Лада раздать пять дисков в другие классы. Лад общался со старшеклассниками, и диски утекли туда. Спустя две недели мы узнали, что их переписывают, а один раз смотрели в кабинете ОБЖ, где был DVD-плеер.

– Со мной поздоровались два человека, которых я не знаю, – пожал плечами Лиор, когда мы стояли в очереди в столовой. – Вон, еще один пялится.

– Вы два главных актера, чего такого, – сказал Лад. – Я вот не актер.

Раннее утро пятницы. Снова два урока труда. Мы со Стефаном приходили раньше всех, так что первые пару недель я изучал только его. Он спокойный, тихий, элегантный, лишь очков не хватает. С каким-то легким достоинством. Даже если мы прятали его рюкзак, пока он переодевался в раздевалке, он смеялся с нами совершенно искренне. Нам же становилось стыдно.

Так вот, мы с Стефаном стоим возле закрытой двери слесарной мастерской. Горыныч уже пришёл, сидит в своей каптерке. Спать хотелось безумно, я даже немного вздремнул, прислонившись к стене. У Стефана глаза слипались, но он продолжал стоять. Потом пришли Славик и Лиор, за ними Марк с курткой. Он даже не разделся в гардеробе, боялся опоздать. К трудовику нельзя опаздывать.

– Томаш опять в учительской? – спросил Марк.

– Он в санатории. – Брат и правда в конце сентября уехал в санаторий. – Они там учатся, представляете. Говорит, с золотой медалью приедет.

– Там учеба на отстань, – отмахнулся Марк. – Всё равно, что нам учиться 7 марта. Имитация.

Дверь слесарки открылась, оттуда вышел Горыныч.

– Заходим внутрь.

Прошли в кабинет, сели. Пока трудовику рисовал на доске очередной чертеж, открылась дверь и вошел Лад. Он быстро юркнул к ближайшему столу, но Горыныч резко развернулся:

– Стоять!

Лад не остановился, а сел на место. Трудовику напрягся:

– После занятий убираешь мастерскую.

– Да я на две минуты опоздал. – У Лада это вышло не восклицанием, но максимальным выбросом его сдержанных эмоций.

– Пробки? – хохотнул трудовику.

– Винные, – попытался пошутить Лад.

– Что сказал?

– Что слышали, – не выдержал Лад.

– Убираешь после занятий – подтвердил трудовику. – Все, достаем инструменты.

Лад от злости пнул парту. Но ни звука сам не произнес.

Весь первый урок мы старательно изображали из себя прилежных учеников. Пилили грабельки и чистили их наждачной бумагой. Никита, выпрямив и без того прямую граблю, за десять минут до звонка сел за парту и начал повторять домашнее задание. Ладушка уже закончил и глядел в окно. Горыныч сидел у себя в кабинете.

И вот Лад увидел, как за окном ходит старушка-уборщица.

Я был рядом с окном, на улице уже шел снег. Окна заклеены плотным полиэтиленом, но солнце отсвечивает. Мы видим, нас – нет. Ладушка решил этим воспользоваться.

– Савва, включай. – Ладушка вручил мне мой же портфель.

– Что ты будешь делать?

Лад снова ударил рукой по портфелю – мол, доставай давай. Лиор и Киткат обернулись на доставание камеры, как дети на звук фольги из-под шоколадки. Ладушка приблизился к окну и тихим голосом Фредди Крюгера позвал:

– Бабуля!

Бабка за окном вздрогнула. Бустендорф, стоявший рядом со мной, чуть не заржал, но я вовремя прикрыл ему рот рукой.

– Раздолбай, ложитесь! – шикнул Ладушка.

Все шестеро тут же полегли вниз, ниже уровня подоконника, и чуть приподнялись вверх, прекрасно наблюдая, как бабулёк оглядывается. Я поднимал камеру, высовываясь из глади потрескавшегося подоконника.

– Ладушка, ты с ума сошёл! – постепенно сходящим на нет голосом отозвался я. – Она же уборщица наша.

– БАБУЛЯ! – заорал Ладислав.

Бабка вздрогнула, и веник выпал из рук. Завертелась, как волчок, оглядывается, даже наверх посмотрела.

– Батюшки, свят-свят, – долетал до нас голос божьего одуванчика.

– Бабуля, давай танцуй! – не унимался Ладушка.

Она замерла и жалела, что лекарств не было в кармане, наверное. Ладушка сам не выдержал, взорвался смехом. Больше не смог сдерживаться никто. Бабуля в этот момент приблизилась к стеклу, а тут перед ней возник статный образ высокого угорающего Ладушки.

– Бабуля, что ж не танцуешь?! – заорал он.

Бедную бабушку пошатнул insult, но она удержалась на подобранной метле. Мы вскочили на ноги и выпрыгнули вверх, как проститутки из торта. Бабка бросилась бежать быстрее фальшивых инвалидов. Истеричным гогомом мы привлекли Горыныча, который уже не смог усадить нас за парты.

– Что вы тут орете? – вбежал он.

– Мы это... закончили, – отрапортовал Ладушка. – Разрешите убирать?

После урока, в шуме школьной перемены, у Лада зажурчал адреналин:

– Давайте на озера сходим, до звонка двадцать минут, – не унимался он.

– Озера? – переспросил я.

– Озеро пресвятого Ладислава Катаева, – поддакнул Никита, чуть не врезавшись в пятиклашку. – У нас у каждого есть свое озеро.

Мы вышли на улицу. Напротив школы был небольшой кусок неухоженной территории, бывший парк. В осеннее время она вечно завалена листьями и всяким мусором. С морозным воздухом в легких мы пришли к огромной, никогда не засыхающей луже. Это и было озеро. Таволайнен только что доел свои сухарики:

– Пльиви, пакетик! – пожелал он ему и бросил в лужу. Пакетик заскользил по корке льда. Она была тонкой, под ней виднелась вода.

Еще на луже были кочки, выступы земли, будто кроты из них вылезали. Мы стали прыгать с одной на другую, словно на болоте.

– Ну, как кто написал? – отозвался Киткат, перепрыгивая через кочку. – Лично я – ноль.

– Математика всегда так, – подтвердил Стеф, оказавшись в центре лужи.

– А я даже не старался. Я просто открыл тетрадь и... Славик, а ты что.. Слав! Слава?

Никита устался на Лиора. А Лиор – на огромную кучу стеклянных пивных бутылок под деревом. Они сиротливо лежали и ждали своих хозяев.

– Ну началось, – с предвкушением улыбнулся я и полез за камерой.

– ДАВАЙТЕ ИХ ПОБЬЕМ! – заорал Киткат.

– Тут вся школа на нас смотрит, – страдал Бустендорф.

Все, кроме Стефана, бросились к бутылкам. Стеф же стоял на кочке посреди огромной лужи, окруженный льдом, и не мог сдвинуться. Бутылки начала бить об дерево с истерическими воплями, я снимал. Ладушка обернулся, увидел Стефана, и вдруг сверкнул глазами.

– Лад, помоги, – вежливо попросил Стеф. – Дай мне руку.

– Лучше держи бутылку.

Лад швырнул бутылку ему под ноги. Она пробила лед, образовав дыру с ледяной водой. Таволайнен обернулся, держа еще две бутылки в руках.

– Стоп, стоп, я же тогда не выйду! – заорал Стефан.

Все начали с диким визгом бить бутылки об лед вокруг мальчика. Вода вырывалась наружу, Стефан жался на кочке, еле балансируя, а рядом падали бутылки. Курившие одиннадцатиклассники с усмешкой смотрели на это. Скоро вокруг Стефа была одна вода. Обессиленные мокрые от пота, парни встали на огромную гору листьев рядом.

– Что же мне делать? – смущенно улыбнулся Бустендорф. – Лад, зачем?

Крупным планом я показал лицо Ладислава. Он был зло доволен. Подростковая жестокость опьянила его тогда окончательно.

– Давай я, щас подойду, – засуетился Никита, который в принципе не любил никакие конфликты. – Бить бутылки, конечно, призвание, но спасение... Сука!

Все отпрыгнули от Никиты, стоявшего на горе листьев, еще вчера убранных с территории. Под листьями была другая лужа. Горка под весом Китката осела, засасывая ноги Таволайнена в кроссовках. Они обе за долю секунды плавно продавили листья и спустились в ледяную воду.

– Быстрее уходим! – скомандовал всегда верный себе Лиор.

– Да, блять, вытащите меня! – заверещал Никита.

– Бросьте, его не спасти, – кивнул Лиор и отдал честь.

В этот момент произошло нечто. Стефан ступил ногой в воду, по щиколотку опустившись вниз. Быстро зашагал к Таволайнену, схватил его, и с ним выбрался на берег. Теперь они оба с промокшими ботинками. Стеф повернулся к камере:

– Меня не спасли, а я спас, уроды, – заключил Стефан. – А Киткат идиот. Кто ж на кучу листьев встает.

Никита еще замочил рукав и испачкал костюм. Мы ждали их на безопасном асфальте. Они еле плелись. Спустя пять минут в классе все наблюдали, как Никита и Стеф с диким хлопаньем в кроссовке заходят в класс. Мокрые следы оставляли внушительный шлейф.

К Стефу тут же подошел Лад:

– Извини, чего-то нашло, – максимально коротко и спокойно сказал он. – Без обид?

Но Стефан молчал, не смотрел на него, разглядывая батарею.

– Мир? – продолжил Лад.

– КАТАЕВ! – раздался громовой голос Горыныча.

Трудовик ворвался в кабинет. Как порывом ветра всех отбросило в стороны, словно вокруг трудовика была санитарная зона. Сам он подошел к Ладу и схватил его за воротник.

– Ты чего уборщице орал? Ты почему не убрался в слесарке?

– Я... это...

– Это был я, – сказал Стефан, миролюбиво улыбаясь.

Горыныч обернулся к нему, и сам растерялся. Бустендорф улыбался, словно валерьянкой брызгал. Успокаивалось все вокруг.

– Отпустите его воротник, это дорогая рубашка, – сказал Стефан тихо. – Это был я, мы шутили.

– Шутили, – выдохнул трудовик. – Не смешно. Уборщице семьдесят три года.

– Моя вина, – пожал он плечами. – Останусь после следующего урока, уберу мастерскую.

Я, щелкнув кнопкой, прекратил снимать. Все вокруг узрели важность момента, но никто не мог осознать объем важности. А Стефан, взявший чужую вину на себя, улыбался. Тут в кабинет вошла географичка, и трудовик ушел. Стефан и я сели на последней парте, поближе к батарее. На ней Стеф незаметно от урока сушил носки. Ладушка сидел перед Стефаном, и вертелся. Ощущал, видимо, что Стеф сверлит ему спину взглядом. Бустендорф же глядел в тетрадку, потому что он любил географию.

– Стеф, – не выдержал Ладушка, повернувшись к нему. – Ты чего сделал?

– Взял твою вину, – пожал он плечами.

– Я тебя просил?

– Ну так иди и скажи трудовику, что это ты сделал.

Ладушка отвернулся. Терпения хватило на минуту.

– Стеф, что мне сделать? – Ладушка и правда был очень растерянным.

А Стефан, взглядом победителя, с духом Ганди и несопротивлением злу, подпер свою пухлую щеку кулаком:

– Больше не делать так.

С тех пор они никогда не ссорились.

Про месть, которую подают вонючей

Октябрь пришел быстро, и со странно приятными новостями. Вечером мне позвонил

Марк:

– Ты прикинь, наши записи по всей школе! – Он радовался в трубку и что-то ел. – Марик из параллельных классов сказал, что видосы про бабулю и бутылки копируют!

– Эмм... Что нам делать?

– Снимать еще! Но профессиональней. А то дерьмо какое-то.

Старые видео стали причиной новых. На следующий день, на урок литературы, пришла Марианна с завучей Бэллой (Бэлла красавица), и публично спросила нас:

– Это вы снимаете все эти видео? Бутылки бьете, бабушкам кричите? Мне показали в старших классах.

– Это не Никита! – заорал Лиор.

Мы вжались в стулья, но потом передумали и расправили плечи.

– Очень остроумно, только я запрещаю, – холодно сказала она. – За пределами школы – что угодно. И распространять больше не смейте. Сюда учиться приходят.

– Марианна Владимировна, это же смешно, – робко, но громко сказал Марк с поднятой рукой.

– Вот это смешно, обхохочешься. – Она швырнула пачку тетрадей на стол. – Называется элементарным бездельем! У вас было две недели – две! – на сочинение. А вы что сделали?

Таволайнен набрал воздух в грудь как перед погружением в бездну.

– Всё списали из сборника сочинений! – Марианна уперлась рукой в собственный бок. – Никаких переписываний. Устала я быть с вами доброй. Сидите по домам, тухнете, а свои шутки идиотские в школу приносите! Бэлла Эдуардовна, засвидетельствуйте, что я запретила этим киношникам снимать

– Да, конечно. – Бэлла кивнула, а потом нам подмигнула.

Видимо, Марианну в школе не любили.

За сочинения нам выставили тройки и двойки. Мы не согласились и попросили пересдать. Марианна не разрешила. Нас задела несправедливость бытия, ведь второй раз мы уж точно не спишем. «Я ваши прихоти исполнять не буду!». Весь первый урок она махала руками, и даже минуту перемены захватила. Лиор, получивший первую двойку за сочинение в жизни, перегородил ей дорогу. Марианна посоветовала ему взяться за ум. И ушла. Лиор стоял посреди класса, слышен нарастающий шум в коридорах.

– Тухнем? – буркнул он. – Тухнем, значит?

– Ребята, вы и правда ерунду снимаете. – Это была Алина, иногда хорошая, иногда плохая.

– Цыц! Тухнет, значит. – Лиора бесило это слово. – Так, никому не уходить, сейчас приду.

– Ты куда?

– За мезью.

Через две минуты он вернулся. К жилетке Лиора руками были прижаты главные блюда учителей во время большой перемены. Оливье, селедка под шубой, ореховый салат, что-то еще майонезное.

Все девчонки уже покинули класс, и Славик довольно оглядел всех пацанов.

– Сав, врубай шарманку.

Я быстро вытащил камеру и включил запись. Таволайнен проснулся.

– Мы считаем категорически недопустимым не давать нам второй шанс, – проговорил Славик, смотря прямо в камеру. – Нам запретили снимать видео и переписать сочинение. Нам сказали, что наши знания тухнут. Мы требуем второй шанс, а пока пусть тухнет что-нибудь другое. Кит, носи ножницы.

Как вы помните, в углу кабинета литературы стояло расстроенное пианино. На нем стояли бесконечно пыльные цветы, какие-то игрушки во главе с огромным плюшевым петухом.

– Ты че, это же... невероятно! – Никита подразумевал другое слово, но в классе не стал его говорить.

Стеф и Марк остолбенели. Тут в класс еще зашел Ладушка, и застыл прямо на пороге.

– Медбрат, закройте дверь, – интеллигентно попросил Лиор, у которого словно очки нарисовались на носу.

– Чего?

– Не пускайте в операционную людей без спецодежды! Ну что за коллектив. Давайте сюда. Так, делаю аккуратный разрез. – Ножницы с учительского стола засквозили по бархатной поверхности. Лиор вскрыл живот плюшевого петуха и вытащил оттуда синтепон.

– Понял, закрываю. – Ладушка включился в игру и закрыл дверь. Она была железная, был засов.

Лиор открыл контейнеры с салатами и стал накладывать пластиковой ложкой в петушка съедобные майонезные жижи.

– Сестра, нитки! – крикнул Лиор.

Сестра была Никитой, а нитки он стащил с книжной полки. В кабинете иногда проходили уроки рукоделия.

– Сестра, вдевайте нитку в иголку, – рявкнул Лиор Никите.

– А сколько, доктор? – Это самая убогая женская интонация из мужского рта в мире.

– Три кубика.

– Это сколько, доктор?

– Ты что, тупая? Дурында, – буркнул Лиор, выливая масло в оставшийся синтепон внутри петушка. – Чему вас только там учат, в училищах.

– Мужа искать.

– Не нашла, а в медицину полезла! Зашивай, чего стоим.

Таволайнен прошелся несколькими стежками, пока Славик выкидывал пластиковые боксы в мусорку и вытирал пятна тряпкой для доски. Нитки были оранжевые, как и пузо петуха. Лиор водрузил его, потяжелевшего, на пианино, Ладушка открыл дверь.

– Теперь мы ждем ответ на наше обращение, – повернулся к камере Славик. – От него не спрячешься. Он заползет в голову, будет отравлять существование, будет...

– Пафосно, – отрезал Марк.

Лиор выгнул средний палец.

– В общем, мыждемся реакции. Вы тоже дождетесь с нами. А теперь мы прячем камеру.

Следующий урок прошел как обычно, мы получили еще по одной двойке за невыученный монолог. Проблем от петуха не было. Марианна объявила, что сейчас она уезжает на совещание, стихотворение можно пересдать завтра. Нас выгнали в коридор с вещами и закрыли дверь кабинета. Это была идеальная ситуация.

Мы бросились к Томашу, что весь этот день сидел в учительской. Он мог передвинуть все наши занятия в один кабинет.

– Вы чего опять учудили? – железным голосом спросил он.

– Ну надо. – Аргументу Славика закивали остальные пять голов.

Дома мы соорудили специальную конструкцию в рюкзаке. Рюкзак ставился на подоконник. Рядом с подоконником стояла парта первого ряда. Пришлось вырезать дырку, но охват камеры идеальный. Таволайнен принес карту на 512 мегабайт, этого хватало на сто минут беспрерывной записи в среднем качестве.

Утром в коридоре обсуждение было бурным.

– На перемене надо будет сбрасывать на КПК, – предложил Марк, трясая своим новым прибором.

– А если не поведет бровью?

– Как же, не поведет. Мне кажется, я тут эту вонь чую.

И вот появилась она. Марианна, еще в пальто, уже шла по коридору с ключом в руке.

– Привет, ребята. Вы заходите, я сейчас приду.

В прекрасном настроении она вошла в класс, мы за ней. Я первые секунды не дышал, а потом вдохнул. И ничего. Никакого запаха. Лиор тут же подбежал к петуху, принялся, и вернулся ко мне на первую парту.

– Только начало гнить, – улыбнулся он в рюкзак, что уже стоял на подоконнике.

Марианна начала с пламенных речей. Успеваемость падает по всей школе, но больше всех катимся мы. Вот Славик, и тот уже тройки хватает. Таволайнена вообще исключить надо, лишь играет в свои игры по вечерам, как родители говорят. Стефан по субботам не ходит, а учеба важнее взглядов. Работать, и усиленно работать, ведь язык и литература – важнейшие предметы для выпускных экза...

Она осеклась и принялась. Стеф грыз ручку, и так глубоко ее засунул, что подавился.

– Что это за запах?

Лад хотел засмеяться, но рыгнул.

Марианна хотела продолжить проповедь, но сидевшая на первой парте рядом с пианино Элла сделала прекрасный рвотный позыв.

– Марианна Владимировна, тут... вонь откуда-то, – залепетала она.

И тут эту вонь ощутил я.

О, это был тошнотворный, пропахший плесенью майонез, гнилые овощи и еще какой букет. Марианна прошла по классу. Источник вонии установить трудно, ведь вся комната уже благоухала.

– Что так воняет? – наконец спросила она. – Еда в рюкзаке у кого есть? Лиор, что в рюкзаке на подоконнике?

– Ничего, тут даже не пахнет, – спохватился он.

– Правда, не пахнет. – У меня на сердце отлегло. – Окна надо открыть, мальчики.

– Они же заклеены! Директор сказал, не открывать до апреля.

– Что ж... Давайте откроем дверь!

Дверь открыли, но ничего не помогло. Вонь усиливалась. Следующие пятнадцать минут игнорирование запаха превратилось в пантомиму, игру лицевых мышц, смущенные улыбки и попытки занять мысли учебой. Пахло натуральным болотом и тухлыми яйцами.

– Так, ребята, нам надо найти этот запах. Что-то гниет, наверное, за пианино. Пока мы все тут не умерли.

В эту минуту Элла смачно извергнула из себя струю завтрака прямо на ковролин.

– Ужас! – вырвалось у Марианны. – Помогите Элле, чего стоите? Там, швабра за классом. Зовите завхоза срочно!

Тут она замерла, подошла к пианино и смахнула все игрушки. Игрушки упали, все – кроме одной. Она была очень тяжелой. Марианна подняла петуха, и отвратный сок полился из его зада. Марианна издала жуткий вопль, отпрыгнула назад, чуть не поскользнувшись на блевотине. Тут учительница разъяренно повернулась к нам и уставилась.

– Вы зачем это сделали? – прорычала она.

– Мы? – Это был хор голосов.

– А КТО Ж ЕЩЕ?!

Дальше нас выгнали всех из класса. Пришли уборщицы, и нам было их так жалко. Марианна ходила по классу, бессильно злилась. Все действие так прекрасно запечатлела камера, стоящая на подоконнике.

Нас опять вызвали к директору, где Марианна бухтела своими старыми аргументами. Учатся ужасно, матерятся на свои камеры, отвратительное поведение, никакого уважения. Мы отрицали любые обвинения. В моих руках был рюкзак, куда попадала Марианна и все остальные участники действия. Нам не смогли объявить выговор, ведь вчера классом пользовались много людей. Стоило им сходить в столовую, они узнали бы о купленных салатах в странном количестве. Или спросить девчонок, они раскрыли бы тайну запертой двери. Или Томаша – с чего менять классы-то? Но нам повезло.

– По острию ножа ходим, джентльмены. – Марианна была недовольна не выходкой а тем, что мы ее не слушаемся. – По острию ножа.

После уроков мы пошли к Лиору и расположились у него в зале, прямо на ковре.

– Мне что-то нехорошо, – вдруг сказал Стефан, разглядывая ногти.

Переглядка доказала, что нехорошо всем.

– Давайте взрослые вещи снимать? – сказал Марк. – Детский сад какой-то. Довели одно-классницу до рвоты.

– Неприятно, согласен, – поддакнул Никита.

– А весело-то как! – Лиор вскочил с кресла и тут же замер. – Вообще да. Давайте больше не будем никому гадить. Телевидение для умных ведь.

Мы поговорили. Мы дали слово не использовать свои навыки для подобной идиотии. Эта беседа сделала меня взрослым больше, чем потеря девственности через несколько месяцев.

– Надо снять кое-что круче, – верещал Марк, взявший на себя негласную роль организатора. – У нас в субботу поездка на природу, там и снимем. Я уже пишу сценарий.

– А с этим видео что делать?

– Попросила Марика, он уже сбросил видео на все компы в классе информатики.

Одобрительнейший гул.

– Зачем мы все это делаем? – Бустендорф умудрился спросить это без опаски за свое положение.

– Ну Марианна сказала же – а кто ж еще?

Тем же вечером мы открыли собственный телеканал «А кто ж еще?», где мы снимаем, что хотим. Главное – никому не сделать плохо.

Про поездку на природу

Все школьники когда-то целым классом выезжали на природу. Мы ездили на Хорце, затерянный живописный уголок километрах в сорока от города. Для парней выезд был вторым. Год назад они ездили на Алин, к горам. Анатолия, наша классная руководительница, еще помнила «сбор грибов», когда Лиор с Киткатом ушли в лес собирать лесное мясо. Там их чуть не увезли на органы местные сумасшедшие деды. С нас взяли честное слово не барагозить.

Марк за пару дней до поездки собрал нас около раздевалки посреди битв за куртки средневекового масштаба. Глаза его горели предвкушением.

– Снимем клип! – возбужденно махал он руками. – Лесное царство! Таволайнен и Лиор будут лесными королями, которые будут захватывать трон с войсками.

– А где трон? – спросил я, пытаюсь перекричать пятиклашек.

– У меня есть, – скромно сказал Стефан.

– Трон?

– Дача. Там маленький домик, бабушкин. У нее кресло такое красивое. На нём ее мужа на свадьбе носили.

– На свадьбе?

– Местные штучки, – добавил Марк, довольный и хорошо знавший Стефа. – А ты хорош. Будет трон.

– Только успеть надо до захода солнца, – добавил Стефан, смущенно.

– О нет! Нет, нет, давай без этого! – возопил Лиор. – Оно садится в полшестого сейчас!

– Или так, или никак.

– Заход солнца? – снова недоумевал я.

– Местные штучки. Ладно. – Марк глянул на наручные часы с пластиковым ремешком. – До пяти вечера должны успеть, электричка-то в десять.

Марк всю ночь продумывал сценарий со мной по телефону. Я послушно конспектировал. Гастрономию возложили на наших родителей, дедушек и бабушек. Из холодильников было вытащено всё, вплоть до замороженных в начале года пельменей. Все перемешано и распихано по бутербродам, мискам и чашкам. В десять утра была первая электричка, которая везла нас до нужной станции. В пятницу были те же два урока труда. Девочек отпустили, а нас снова запрягли убирать злосчастный хоздвор.

Раннее утро. Никита спит на хоздворе в обнимку с метлой. Ладушка пытается пройти по отвесу из кирпича и не упасть в огромную гору мусора. Марк грызёт ногти и заспанными глазами смотрит на сероватое небо. Я, опоздавший, зашел на территорию и шаркающими кроссовками пошел к Марку.

– Шшш! – прошептал он.

– А почему шепотом?! – удивился я.

– Спит, – прошептал Марк и кивнул на Никиту, что был рядом. – Говорит, всю ночь в игру резался на компе. У него брат родился, и спать было бесполезно.

– Падаю! – раздался голос Ладушки, который вот-вот должен упасть в мусор.

– Лад, не орать не пробовал?! – завопил Марк. – Тут человек спит.

Киткат встрепенулся, поднялся на ноги.

– С вами тут поспишь, – сонно сказал Киткат, поднося к глазам наручные часы. – Сколько у нас времени?

– Минут тридцать. Сейчас даже девяти нет.

– Здрасьте, дамы. – Перед нами возник Томаш. В пиджаке своем чертовом. Вообще сегодня он ночевал у меня в квартире, но опоздал больше обычного. – Надо быстро убрать

территорию. Сюда через час придут гости из другой школы, они будут делать совместное фото с администрацией.

– Здесь? Фото среди этого дерьма?! – Ладушка оглядел горы отходов и строительного мусора.

– Именно. Не думаю, что мы хотим подставляться. – Томаш уселся со мной. – Да не шучу я, чего так смотрите. Актовый зал на ремонте. В коридоре темно, наш фотоаппарат не возьмет.

В общем, мы провели эти два урока в поте лица вместо безделья. К приходу трудовика постелили красную ковровую мини-дорожку. Мы вырезали ее из дивана с соседней свалки. Царский прием администрации города, состоящий из женщин, дополнил Таволайнен. Поднес хлеб с солью (пицца из школьной столовки) и кланялся, как русская баба в сарафане. Все смеялись испанским стыдом.

Фото было сделано за минуту, пафосные женщины удалились. Мы побросали ведра и тряпки, вышли из территории школы, никому не сказав об этом. Нужно было купить воды, сладких рулетов с вареной сгущенкой, да и чипсов побольше. Понабрав всего вдоволь, мы отправились к станции рассредоточенной толпой.

– Только предупреждаю сразу – не теряться и никуда не уходить друг от друга, – замахал Марк руками, двигаясь перед ними. – Следуем сценарию. Вы читали?

– У меня брат читал, – отозвался Никита.

– Который с ДЦП? – поддакнул Лиор.

– ОРВИ это называется. Ему смешно. Он не говорит, только смеется.

– Как с ДЦП.

– Серьезность, серьезность! – Марк легонько ударил меня в плечо. – Ты вовремя появился с камерой. Я себя прям живым чувствую.

Мы шли. Всё дышало и благоухало умирающей осенью. Волосы в носу покалывало от холода.

К десяти часам все стояли на перроне и ожидали электрички. Девочки не проснулись, ходили мутные и сонные. Мы, как заведённые энерджайзеры, продолжали растрчивать нашу неиссякаемую энергию. Уйдя подальше от буйных дачников, устроили фотосессию на старом «Олимпусе» Китката. И так, и этак, и возле заброшенной лужи, и возле болота, и возле помойки. Растратив кадры на всё, что попало, мы сделали на самой природе от силы десять снимков.

– Мальчишки, предупреждаю сразу! – замахала Анатолия пальцем, строго смотря в наши смеющиеся глаза. – Никакого баловства, держаться всем вместе.

– Обещаем держаться вместе.

– Вы что, не доверяете нам? – Лиор говорил так, что доверять было невозможно. – Там дачи, тишина и спокойствие, тем более, рядом ларьки и станции.

– Никаких грибов! – чуть не расвирепела женщина.

– Никаких, – замотал головой Таволайнен.

Огромный, пышущий энергией транспорт подрулил к перрону. Внутри была тепло, малоллюдно. Таволайнену пришла идея в голову отцепить вагоны. Мы проголосовали «за» и пошли в тамбур. Отцепить не получилось, а пока копались, места в вагоне наши заняли. Сорок минут пришлось слушать наших одноклассниц, что дребезжали про сериал.

– Девочки, – выступил вперед Марк. – Вы в курсе, что мы снимаем?

– Да вся школа в курсе. – Это была та самая Алина, с копной рыжих волос и чувством гордости в них. – И нам даже не предлагаете первыми посмотреть.

– За деньги, что угодно. Но сегодня бесплатно. Савв, врубай! – Марк вытолкнул меня вперед со своей камерой.

Мы включили им несколько неопубликованных записей. Ситуация была как с сериалами. Сначала дрянь, которую смотреть невозможно, потом засасывает. В конце тамбур смеялся.

Электричка начинала тормозить, наша платформа приближалась.

Толпа выплеснула нас на платформу, но пришлось ждать, пока все соберутся. Везде тишина, лес, среди зелени вдалеке домишки. Мы шли по дороге с сумками, боялись шуметь. Даже Томаш это чувствовал, а ведь он сухарь. Посреди дикой глуши, лесов и кочек, стоял маленький неприметный магазинчик «Пиво, продукты». Проржавевшие почтовые ящики. Покрытые коркой грязи водоколонки.

– Ребята! – Классный руководитель с охраной в виде двух мамаш властно указала на дорогу. – Идём вместе, не сбиваемся.

– Ощущение, что сейчас подойдёт какая-нибудь бабка и спросит, закончилась ли наша олимпиада, – сказал Славик, когда мы почти свернули с дороги. – Что первое нам покажет лес?

Мимо проехал мальчик на велосипеде, к которому привязана телега. Она за ним – тыг-дык, тыг-дык.

– С козырей пошли, – заключил Славик.

– Сворачиваем вот сюда, – показал Томаш на дорогу слева. – Там поляна, и сразу лесная зона. Для наших скатертей сойдет.

– Побежим! – вдруг заорал Лиор.

– Зачем бежать, ну вот зачем.

Томаша уже не слушали. Глубокий вдох, и мы с диким ором и криком, не обращая внимания на вопли девочек, бросились сквозь кусты.

Перед нами открылось огромная поляна, вдалеке начинался лес. К нему мы и бросились. Кроссовками бежали по неровной земле, мокрой от росы. Мы неслись, чувствуя, как порывы ветра сталкиваются в наших прическах. Никита раз пять падал мордой в кочки, Стефан еле попевал за нами, но всё равно упорно пытался выйти в лидеры. Я был вторым, и в этой гонке, и по жизни.

– Лузеры! – кричал Никита, вырвавшийся в лидеры, и его нога угодила в лужу. Он потерял первенство тут же, а лужу мы оббежали.

– Да вытащите меня! – орал Никита, выбираясь из трясины со штанами теперь уже разного цвета.

– Сам побежал вперёд, – крикнул я назад, уже задыхаясь. – Мы на тебе проверили.

– Все сюда! В атаку! – крикнул Лиор, указывая на стоящий около начинающегося полесья огромную сосну. – Кавалерия! Конница! Пехота! Ххх-а!

Мы поднапряглись, и прямо на развороте, подняв ворох листвы ногами в воздух, врезались в дерево. Наша конница/пехота/кавалерия рассыпалась на куски. Мы упали на землю. Киткат вдалеке телепался со своей мокрой штаниной и безбожно матерился.

– Здесь и останемся, – прошептал я, чувствуя, как пот течет по пересохшим губам.

Никита, шатаясь и морщась от холодной воды, которая заставила его ногу онеметь от холода, подходил к нам.

– Блин, вы идиоты, – хмуро констатировал он. – Могли бы сказать, что там вода.

– Ты же вперёд всех побежал, – сказал Лиор, чуть отодвигаясь от кочки и уступая место Никите. – Откуда мы знали.

– Знали-знали, – сказал Никита, приседая вниз и облакачиваясь к дубу. – Я же случайно, и – ах ГОНДОНЫ, ТУТ ТОЖЕ!

Внезапно мне показалось странным звук, с каким сел Макс на место. Это было не шуршание травы, а сырое и холодное хлюпанье.

– Суки! – заорал Никита, вскакивая с места с криком пожарной тревоги. – Вот же ж мрази, ну за что?! Жопа онемела!

– Что за слова?! – К нам подошла Анатолия с одной из учительниц. Ее подруга, которая взялась составить компанию.

– А, да бросьте! – Никита был грустен. – Ну гляньте, что сделали? Как вот без мата!

Жопа Никиты была идеально обрисована мокрой тканью.

– Это от слёз, – заикаясь от смеха, выдохнул Стефан.

Мы загоготали, лупя ногами по земле. Анатолия почему-то улыбнулась. Наши маты она воспринимала как издержки возраста.

– Кит... Кит... – Лиор пытался выговорить свою фразу, но сквозь смех это было сделать очень трудно. – Мы... мы не хотели... Ты ведь не обижаешься?

Киткат помолчал, вдруг улыбнулся.

– О, черт.

– АААА! – заорал Никита с улыбкой на лице и бросился на Лиора.

Мы не остались в стороне и присоединились. Через секунду мы дрались друг с другом. Мы были шаром с торчащими руками и ногами, что катался по поляне и кочкам. Классный руководитель и девочки только вздыхали, расстилая скатерти с едой.

Спустя час мы уже разложились— бутерброды, салаты, овощи, колбаса. Анатолия напрочь отменяла идею зажечь костёр.

– Ну пожалуйста! – канючили мы, ходя перед бедной растерявшейся учительницей. – Ну мы приедем домой и скажем, что не жгли костёр?

– Скажете, ничего не сделается. А вдруг что-нибудь подпалите?

– Не будем собирать дрова, – влез Марк. – Мы пойдем на дачу к Стефу. Веди нас, вожак.

– И где дача? – тут же напряглись взрослые.

– Рядом, рядом, – спокойно и извиняющимся голосом заговорил Бустендорф. – Вон там.

Анатолия вздохнула:

– Если потеряетесь...

– Мы кино снимать. У нас все по плану.

– Опять? Журналисты-киношники, давайте без сюрпризов.

До дачи было идти десять минут. Мы вышли на широкую, неухоженную дорогу, у каждого в руке любимая палка. Ей мы били крапиву, она атаковала в пути.

– Зачем мы бьем крапиву? – спросил я.

– У самурая есть только путь, – отозвался Славик. – На, получай!

Вдруг среди небольших уютных дачных домиков, среди просыпающихся сторожевых собак, завиднелся высокий черный дом. Обитый темной материей для теплоты, с отвратительным забором, с покосившейся дверью и заброшенной теплицей.

– Этой мой Версаль, – улыбнулся Бустендорф. – Идемте.

Мы вошли на участок. Система безопасности классическая. Ключа от двери нет, ее открывает ручка, но хранится она под крыльцом. Стефан достал ее, вставил и повернул:

– Прошу.

Мы вошли в огромную гостиную. Стилль позабытой эпохи, мебель несколько десятков лет назад устарела. Стол, стул, тухлявый комод, дальше за дверью виднелась нарезка маленьких комнат. Но все же уютное пространство с недостроенным вторым этажом, откуда чуть не вывалился Таволайнен, но об этом позже.

– Как в склепе, – резюмировал Лад.

– Я тут родился, – обиделся Стефан.

В середине гостиной стояло жуткое кресло. Протертое, с подлокотниками в трещинах, с косыми ножками. Оно идеально служило для древнего трона.

– Что ж. – Марк обошел гостиную, ошупав двери. – Начинаем снимать. Савва, корону!

Я достал из пакета корону. Картонная, раскрашенная в желтый цвет. Краски мать стащила со своего детского сада.

– Я тоже хочу надеть! – заорал Никита.

– Заслужи, чмо! – Славик водрузил ее себе на голову.

Лиор – король Версаля, сидел в кресле и смутно глядел. На этом кадр заканчивался. Ее подданный, поднявший мятеж Киткат, намеревался поджечь замок. Далее Таволайнен со свитой собирает ветки для поджога. Мы вышли на улицу, снимая всё спонтанно. Один лишь Марк носился из угла в угол и орал:

– Да ты можешь говорить по сценарию! Нет, не материмся. Да куда ты несешь? Ну мы же обсуждали, ну е-мое.

Сначала мы захотели залезть на дерево, но почти у всех ветки были обломаны. Никита приказал выстроить «пирамиду» из подданных, чтобы самый верхний мог добраться до ближайших веток. Верхним был Марк, и Никита влез по нам. Достигнув вершины, он оттолкнулся ради смеха от дерева, и мы рухнули. Гоготали как ненормальные, я еле держал стабилизацию камеры.

– Стоп, Таволайнен! – бесился Марк. – По сценарию, ты должен у того колодца собрать Совет воинства.

– Боевая рота! – вдруг заорал Таволайнен и вскочил на ноги. – Готовность!

Лиор из своего «Версаля» ржал на весь дачный поселок. Мы выстроились в шеренгу.

– К нам поступило сообщение, что нашу оборону прорывает неведомый, но очень сильный противник! – Никита начал расхаживать туда-сюда. – Надо защищать. Вперед! Чего встали, лентяи, вперед!

– Да какая рота в средневековье, – не унимался Войцевски.

Потом мы залезали на деревья и куковали, напевали песенки современной попсы. Пару минут отдыха, и вновь несёмся, теперь уже вокруг дома.

– Милорд, провизия заканчивается, – подыграл Лад.

– Беги же, окаянный в бордель «Скатерть»! – напутствовал его предводитель. – Скорее, холоп, скорее.

Я ощущал себя самым счастливым на свете и больше не мог смеяться. История кончилась штурмом замка, где Никита умудрился по внешней лестнице забраться на недостроенный второй этаж и рухнуть прямо в гостиную. Памяти в камере осталось на четыре минуты, я ее выключил.

Мы сидели в гостиной, когда прибежал Ладислав с урванной от девчонок едой. На свежем воздухе она была самой вкусной. Мы набивали рот картошкой и курицей, не обращая внимания на капающий жир.

– А костер бы и так не получился, – закивал Таволайнен. – Единственные спички были в кармане. Вы их с моим задом в болото окунули.

– Ну вот как так. – Марк был совсем расстроен и доволен одновременно. – Писал же, придумывал...

– Да ладно, и так получилось хорошо.

– А вот и закат скоро, – улыбнулся Стефан. – Успели.

– Я вас ненавижу, вот всех, – бурчал Марк, но скоро бурчание закончилось.

Целый час мы сидели на полу в гостиной и болтали. Я попросил Стефа рассказать о себе. Его бабка на старость лет вспомнила, что она еврейка, дома воцарилась традиция, похожая на маскарад. У него дома мы потом были пару раз, ездили исключительно из-за заброшенных гаражей, где так было приятно бегать. Потом на даче мы увидели минору на раскладном столе в углу, решили, что это лазерный джедайский меч и начали фехтовать. На моменте крика Китката «Иисусья тряпка!» минора была запущена прямо в Стефана. На толстой щеке парня был огромный лиловый синяк. Мы даже планировали ему поклониться, но он быстро зажил. Еще Стефан говорил на иврите, но мы так никогда не узнали, иврит это был или надувательство.

После еды мы ушли, закрыв хлипкую дверь ручкой из-под крыльца. Я берег минуты пленки, и оказалось не зря. Мы шли по дороге обратно.

– Вы не актеры, и неуправляемые, – выдохнул Марк.

- Мы импровизаторы, – сообщил Лиор.
- Очень чувствующие друг друга.
- Но не по-гейски.
- По-душевному.
- Артистичному.
- Чувству.

Славик и Никита могли заканчивать предложения друг за другом. А четыре минуты на карте памяти сгодились вот для чего. Мы вышли на нашу поляну и вдруг Никита остановился:

– Гляньте.

На территории поляны находилось несколько десятков одиноких деревьев, больше походящих на плакучие ивы. Под ними можно было прекрасно укрыться, они стояли против солнца, и своими ветками создавали тень. Вдалеке было подобное дерево.

– Жду вас там. – Никита бросился бежать своими большими ногами под его тень.

Мы зашагали вперед.

– Дарагие май! – Лиор шел спиной вперед. – Кажется, обнаружена стоянка древнего человека. Причём, этот человек носит красную футболку, рваные джинсы. Он возвращается в свою обитель. Посмотрим, что же это за экспонат.

Мы пришли к дереву, где Киткат уже успел обустроиться. Громаднейшая пачка «Лейс» с луком, рядом личный термос. Мы уселись. Лицо Таволайнена было в кадре, и он вдыхал воздух больше полуминуты.

– Кит, время – шепнул я. – Мало памяти.

– Тшшш, господа, здесь уважают тишину, – безмятежно отозвался Никита. – Прислонитесь к стволу.

После невыносимо жаркого бега мой пот испарился. Тут было прохладно, спокойно, открывался великолепный вид на лес вдалеке и на скучающих девочек. Лагерь казался маленькой точечкой, нанесённой на карту остриём циркуля. Позади послышалось журчание. Я обернулся, и увидел за спиной небольшой, но бойкий ручеек.

– Здесь как на вершине горы, – глубоко дышал Марк.

– А я видел сортиры для альпинистов на горах, – вставил Лад.

– Шутки про говно здесь не смешные, сын мой, – замогильным голосом отозвался Никита. – Дуб. О, какой дуб.

– Это же ива.

– О, мой дуб! – Киткат и Лиор напивались силой дерева, касаясь его ладонями.

Позже я оценил приготовленный из шиповника грог, потом принялся за чипсы. Ладонью я трогал траву, продевал сквозь нее пальцы. Был такой запах, что голова кружилась. Было очень хорошо.

– Был бы этот дуб наш, – вдруг сказал Марк. – Представьте, поставим забор вокруг, и отдыхали бы. Будем тут собираться.

– А купишь на что?

– Откроем компанию и будем зарабатывать деньги.

– А продавать что?

– Записи наши. Не, ну вы видели, в тамбуре девочкам понравилось.

Тут камера выключилась. Дальше были обсуждения, как можно продавать записи.

– Это никому не интересно, – слабо заявил Стеф.

– Не согласен, – замотал головой Марк. – Мы открыли собственный телеканал. Мы производим материал. Почему на этом не заработать?

– На чем вы собрались зарабатывать?

Последнюю фразу сказал стоящий под падающим за горизонт солнцем Томаш. Он сочно жевал персик, и даже поправил запонку на своем походном пиджаке.

– Эй, Томаш! Ты же как президент, как бизнесмен, – не унимался Марк. – Мы можем заработать денег, продавая наши записи?

– Пока что вы зарабатываете на отчисление из школы. А зачем вам деньги?

– Мы хотим купить эту землю с дубом.

– А если дождь? – презрительно заметил он.

– Все думают о дожде, – пробубнел недовольно Таволайнен. – Ну и что, дождь-дождь!

Главное ведь идея.

Томаш неопределенно пожал плечами.

– Если это смотрят, может и деньги смогут давать, – мерзко улыбнулся он и ушел.

Спустя час мы уже отъезжали от перрона с грустным чувством. Кто-то пустил слезу, понимая, что завтра всем учить английский и писать грамматическую работу. Кто-то смеялся и разговаривал, стараясь не думать о том, что будет завтра. А кто-то клал на рельсы всякие бумажки, веточки и помидоры, и дико орал, когда их раздавливала электричка.

Вечером я отсмотрел материал, нашел наши посиделки под дубом лиричным документальным артефактом. Первое, что я понял – его не стыдно показать никому. Я набрал Марку:

– Нам надо заработать на дуб. Давай продавать видео. Как угодно. Ты же режиссер, давай подумаем.

В тот день я своей легкомысленно фразой назначил Марка режиссером. Так родилась идея с покупкой дуба, которая захватила нашу жизнь. Той же ночью вернулись лютые холода. Это был самый холодный ноябрь в моей жизни.

Про эксклюзив

После поездки мы сняли еще два видео. Сразу осознали: нас знают. Эти видео требовали даже две соседние школы. Это было в высшей степени неловко. В первую очередь, конечно, Лиору и Киткату. После субботнего путешествия мы гуляли в воскресенье по городу, и стайка девчонок и пацанов узнала нас на Центральной площади. С ними впервые сфоткались люди не из школы. Уже в автобусе Лиор озвучил:

– Ссыкотно.

Марк задумался на минуту:

– Едем до Большевой.

– Чего мы забыли в этой дыре?

– Это мой дом. Отца сегодня нет, обсудим детали.

Спустя полчаса мы сидели у Марка в большом деревенском доме. Отца не было, он уехал к родственникам на несколько дней. Огромная гостиная соседствовала с небольшой каморкой под лестницей для Марка, прям как у Гарри Поттера. Но у последнего были только солдатики, а у Войцевского – четвертый «пень», штатив, новая видеочка и микрофон.

Уселись в гостиной, полукругом.

– Я больше не буду говорить слово «ссыкотно», если надо ездить в эту глушь, – заверещал Лиор.

– Предлагаю совместить сюжеты на одном диске и продавать, – расхаживал туда-сюда Марк.

– Да кто это говно купит? – вырвалось у меня.

– Вот и узнаем, – задумчиво сказал Марк, почесывая нос.

– Надо собраться, обсудить тогда.

Все на меня уставились. Я понял, что мы уже собрались. За час придумали план, нашли все нужные видео. Их оказалось двенадцать. Монтировали до позднего вечера. Телефона в доме не было, пришлось идти к соседям, чтобы звонить маме. Родители разрешили остаться с ночевкой.

Мы спорили друг с другом об очередности сюжетов до восьми вечера, после записали две «подводки» (слово это мы узнали потом). За это время Стефан съездил в последний работающий до девяти вечера компьютерный магазин и приволок нам пятьдесят CD-болванок. К часу ночи диски были готовы. Карманные расходы нас шестерых были истощены. Наигравшись с Vegas Pro вдоволь, мы упали на два рядом стоящих дивана.

– Надо ехать к бабушке Лиора. – Марк и правда был режиссером, у него сна ни в одном глазу. – Славик.

– Идея отличная, но мадам не в духе, – отозвался Славик.

– Куда? – Я даже не боролся с сонливостью.

– На центральный рынок. Черт, это все не то. Нам нужен эксклюзив.

– Кто такая бабушка Лиора, объясните мне, – не унимался я.

Мне объяснили.

На протяжении двух лет со Славиком я пыжился запомнить его родню. У него было несчетное количество двоюродных братьев и сестер, но я их никогда не видел. Был единоутробный брат, с которым мы познакомились, когда отдыхали на даче. Был дед, торчащий в гараже. Были дядья с востока и тетки с запада. Но квартире рядом со школой Славик жил с тихой тётёй, и мы вечно подтрунивали над тем, что он всех родственников выдумал. Кроме одного. Настоящей жемчужиной семьи, главной кормилицей, была его бабушка по матери. Она держала палатку с палёными контрафактными дисками на центральном рынке. В этих палатках продавались диски, где тринадцать фильмов в плохом качестве на каждой стороне.

На рынке ее знали как «бабушка Лиор» и принимали за живую легенду. Она во время облав милиции упаковывала незаконный товар быстрее, чем в армии собирали автомат. Она, с пластиковым стаканчиком дымящегося отвратительного кофе разрешала нам брать любые диски, включая трилогии «Властелина колец» в смешном переводе. Мы диски теряли, а я до сих пор не вернул «Беги, Лола, беги». Согнать ее с рынка не могли, денег она приносила в семью стабильно, жила одна в квартире на окраине. Признанная королева контрафакта, она ходила на дни рождения местных бандитов и милиционеров, но была добрейшей души человек.

Ее палатка стояла близко к центру рынка, недалеко от рыбного места. К ней мы и пошли предлагать свои видео. Я, Марк и Лиор приехали спозаранку, к восьми утра. Вечером замерзшую торговку лучше не просить об одолжении. Нашли ее ларек. Издалека она увидела нас, и закурила длинную женскую сигарету.

– Мальчики, если что, музыку не подвезли, – грустно объявила она вместо приветствия.

– Бабуль! – Лиор поцеловал ее в щеку, она хихикнула. – А мы не покупать, мы предложить.

Марк поставил сумку на прилавок пакет с пятьюдесятью дисками.

– Так, и что это, кучерявый?

– Дурачимся на видео, – поддакнул я. – Очень смешно. Можете бесплатно давать их людям? А если попросят еще, когда придут – скажите нам. Тут вот номер телефона и почта электронная на обратной стороне.

– А как вы там дурачитесь? – сощурилась бабушка Лиор.

– Ба, добровольно, – отрицая рукой зло, сообщил Славик. – Звездами будем. Ну, я точно.

– Мать твоя с пеленок говорила, что на актерский пойдешь.

– Не пойду я на актерский, – уверенно объявил Славик. – Всем говори, что это детское телевидение, пацаны ролики снимают.

– Так может за деньги, парни?

– Следующую партию – обязательно, – кивнул Марк.

Бабушка взяла один из дисков, рассматривала.

– Ладно. – Она махнула рукой, и переживания улетучились. – Детям буду давать, как вы.

Это была победа. Мы на радостях начали обсуждать, сколько заработаем денег, чтобы купить дуб. Тесный икарус слушал честолюбивые мечты трех подростков. Но в школе нас ждало разочарование. После третьего урока в рекреации на втором этаже не появился телевизор. А это был символ свободы в школе.

Началась эта традиция задолго до меня. Наш учитель по ОБЖ тогда предложил выставить в зону рекреации на втором этаже телевизор из своего кабинета. Журнальный столик с колесиками элегантно выкатывали из кабинета, и он собирал всех подростков на большой, сорокаминутной перемене. Совместный просмотр телевизора объединял тех, кто дрался или кого били.

Не существовало старших и младших, не было умных и глупых. Мы включали MTV, где можно было встретить Piese of Me от Бритни и «ТОП-10», и это делало толпу живым организмом. Тогда же я узрел, как рекламы воспринимаются толпой. Реклама про «Привет-подушка, привет-подружка», «Приправа на второе» или таблетки для потенции, где надо просто быть мужчиной, эхом истерики прокатывались по школьникам всех ступеней.

Никому в голову не приходило, что это может быть плохо.

Но вот кто-то из завучей увидел, как мы смотрим клип «Медведица» Мумий Тролля. Там огурец трахает разных людей. Учителя ОБЖ вызвали на ковер. Он сказал, что все претензии идиотские, и уволился. На доске объявлений рядом с расписанием уроков появился листок, где публично запретили выносить телевизор.

Мы стояли в коридоре, в составе толпы, что была разочарована. От грусти мы направились в столовую, где не стали есть. Уселись на подоконнике.

– Это всё пакет с черными полосками, – бушевал Марк.

– Марианна, точно! – поддакнул Никита. – Я митта ме тэмме?

– Опять ты со своим финским.

– Говорю, что будем делать?

– Терпеть.

– И стихотворение учить.

– Какое стихотворение?! – ввязался я.

– Она задала там стих учить. – Стеф указал на свои смирившиеся с будущей двойкой глаза. —Помните?

Мгновенно память освежилась, на внутренний чердак ворвался ветер воспоминаний. Марианна решила посвятить вторую четверть изучению стихотворений. Задала их кучу, в ужающую рифму. Разумеется, мы забыли.

– Я ничего не учил, вы тоже, – пожал плечами Бустендорф. – Смиримся.

– Опять ты со своим смирением!

– Я ее по ночам во сне душу, – вырвалось у Бустендорфа. – Машиной ее давлю, там.

– Когда она отпочковалась от Сатаны, – начал Славик.

– А у меня в деревне вышка для прыжков была. Я Марианну с нее в каждом сне кидаю.

Потом мы отвлеклись на примеры в тетради Лиора, «скатывая» их по очереди. Затем пришел Томаш, властно дал нам списать геометрию. Мы так засиделись копированием, так увлеклись, что пропустили звонок мимо ушей. Позже уже бежали по вымершей школе, еще секунду назад бурлившую от жизни. Как только мы коснулись ручки кабинета и оказались в классе, где уже начался урок литературы, перед нами возникла Марианна.

Стоп-кадр. На нас смотрит весь класс.

– Ну и где вы были? – грозно поинтересовалась Марианна.

– В столовой, – жалобно пропищал Славик.

– И что вы делали столько времени в столовой?

– Так мы... это ... – Это лепетал Томаш, у которого впервые в жизни что-то пошло не так.

– Выражали недовольство! – выкрикнул Киткат.

– Это по поводу чего?

– По поводу телевизора, который вы запретили.

Марианна коснулась пальцами очков.

– Так, всё. За дверь.

– Марианна Васильевна, так мы же...

– За дверь сказала. Всё, хватит.

– Так мы же в первый раз.

– И в последний, давайте, за дверь. На второй урок не опоздайте.

Перед нами с диким грохотом захлопнулась дверь. Мы снова оказались в полумраке коридора, где не было никого. Я быстро достал камеру. В видеоискателе появилось грустное лицо Никиты.

– Нас и слушать не хотят, – грустно сказал он.

Мы просидели на подоконнике весь урок. На втором уроке нам вlepили двойки, и не карандашом, как обычно. После уроков Никита и Славик поймали меня и Марка на крыльце. Они заговорили как чрево вещатели, голос одного вырывался изо рта другого. Я до сих пор верю, что так оно и было:

– Есть дело.

– Одновременное дело.

– Требуящее кучи людей.

– Кучу риска.
– Ролик крутой будет.
– В пустой школе.
– Да какое дело-то? – У Марка разболелась голова от недосыпа.
– Давайте снимем клип без склеек. – Лиор вытащил «Чюитс» из кармана и разжевал вишневую конфету. – Мы идем по школе и типа поем.
– А в чем крутость? – смутился Марк. – Просто идем и поем?
– Ага.
Кивают, как китайские болванчики, глаза горят и сверкают.
– Сделаем это в середине урока, – дополнил Киткат. – Снимем с одного дубля. И это будет в отместку за запрет телевизора. Мы его вернем.

– Одним дублем?

Дальше они снова начали тараторить:

– Нас когда спросят, зачем хулиганим...
– Мы такие – требуем вернуть телевизор! Нас все поддерживают.
– В клипе все будет идеально, вся школа поможет.
– Встанем, начнем танцевать, и двигаться вперед.
– На улицу, на хоздвор, на второй этаж, на пожарный выход.
– И камера такая следит за нами. Вся окружающая среда наша.
– Задействуем всех. Начнем с выпрыгивания из окна.

Головная боль Марка прошла. Идея была безумна.

У школы есть радиорубка, чьи мегафоны висели под потолком почти в каждом классе. Они не используются, но я попросил Томаша узнать, рабочие ли они. Рабочие. Мы проверили вечером, когда в школе уже пусто. Музыка может звучать повсюду. Вся школа станет нашей сценой. Дурацкая сила заставила нас действовать сообща. Мы договорились со своим классом о массовой. Потом нас поддержали другие классы.

– Мы хотим вернуть телевизор на переменах, – говорили мы шепотом. – Вы за?

К нам пришли школьники всех возрастов и спросили, чем помочь. Набралось человек сорок. И как никто не сболтнул о грозящейся съемке учителям? Загадка. Нашли даже четырех брейкдансеров и четверых качков из одиннадцатого класса. Они ради смеха решили нести паланкин с Лиором и Киткатом во время уличного эпизода.

Но открытием всего этого стали девочки. Мы подошли к Алине, представителю всех девчонок нашего класса, и попросили помочь.

– Вас точно выгонят, – резюмировала она, осмотрев меня и Марка с ног до головы. – Киношники.

– Поможешь или нет? Ты представь, математичка даже понимать не будет, что происходит. Все действуют как единый организм. – Войцевски с его руками понесло в творческие туманы. – Раз, и два, и три! Вы хлопаете, мы ходим.

– На математике? Да вас разорвут. Песня-то какая?

– Эээ... пока не придумали.

Целый вечер наедине с собой каждый перебирал в памяти песни. Встретились, обсудили, но всем по отдельности нравился какой-то шлак. Но тут, недалеко от парка, рядом со школой, пронесся пердящий «Москвич», откуда донесся Seven Nation Army от White Stripes.

Случай выбрал эту песню.

Дело наметили к уроку математики, где кабинет был на первом этаже. Достали паланкин. Достали красную дорожку. Дискотечный шар. Костюм католического священника. Костюм турка с бутафорным мечом-секирой. Достали соболиные шубы, меха, пластиковые фужеры для шампанского. Достали еще кучу всего и вся.

В один из вечеров вернулись в школу, к пяти часам, до этого тусуясь у меня. Начали проводить первую репетицию, где поняли, что четырех минут мало. Пришлось сокращать маршрут, это первая и главная проблема. Второй проблемой был я. Снимаем с рук, никаких плавных движений, мне придется прыгать, бежать, двигаться быстрее актеров. Как это делать? Пришлось отложить. Было еще пять репетиций. Нас не заметил завхоз, не заметили работающие до шести вечера учителя. Уверенные в своей правоте, мы в глубине души хотели, чтобы нас поймали.

– Это все благодать, – умиротворенно кивнул Стефан.

– Это безалаберность, – резюмировал Лад.

Настал день перед съемками. Мы сидели у огромного цветочного горшка в столовой вшестером и ели выпечку. Проходящие мимо школьники загадочно глядели на нас. Таинственные улыбки и подмигивания неслись отовсюду. Все знали большой секрет, в центре которого мы были.

– Ссыкотно, – вдруг сказал Марк.

– Да не выгонят нас, – попытался успокоить Ладушка.

– Не всё прорепетировали, – переживал Марк. Потом ткнул Китката. – Дайте слово, что не облажаетесь. Снять с одного дубля четыре минуты, с кучей локацией.

– Выгорит. Сколько раз ходили уже, – отмахнулся Славик.

– Если ты упадешь, все пропало, – повернулся ко мне Марк, но потом задумался. – Да если кто угодно упадет.

Вечером я и Марк обзвонили ребят из массовки. Никто не слился. Славик отказался помогать в обзвоне:

– Позориться буду завтра, а вы звоните.

Математика была третьим уроком. Первые два (биология и язык) мы пробыли в смятении и бесконечно отлучались из класса. Встречали на перемене со всеми, уточняли роли, движения. Наконец прозвенел звонок. Третий этаж, ботинки (у Лиора они начищены до блеска) стучат по лестнице. Девчонки строго глядели из-под чёлок. Вот и дверь, наспех выкрашенная неделю назад.

– Ее снести пора, а не красить, – вырвалось у меня.

Она распахнулась, мы вошли в наполненный светом класс и... увидели чужих людей.

Двое женщин, в серых пиджаках и слишком длинных юбках. В руке у каждой папка. На носу очки. Ужасные золотые серьги. Наша математичка, сорока двух лет, суетилась до невозможности фальшиво.

– Ребята, проходите, у нас сегодня комиссия. Но это обычный урок, обычный. – И нервно так хихикнула.

Лад по плану сел к окну на заднюю парту.

– Ладислав, садитесь ближе. У вас небольшой класс, зачем вам пустые парты.

– Тут прохладно. – Лад забыл, как пользоваться языком.

– Зимой-то? Ох, ну сидите, – махнула она рукой. – У нас учащиеся сидят, где хотят, полная свобода!

Улыбки учителя математики до этого не блестели в этом жутком классе, с затертой мелом доской. Я сел на первую парту, аккуратно положив камеру на колени. Они дрожали, грозясь уронить камеру. Досчитав до пяти, я отпустил страх.

– Уважаемые гости, вам там удобно, на последней парте? О, это замечательно! Начнем, ребята. Мы с вами на прошлом уроке начали функции и их графики.

Марк шикнул мне с соседней парты. Губы его пролепетали: «Минута». Томаш, сидящий за моей спиной, ткнул меня пальцем:

– Не одобряю, что ты с ними заодно, – Четкий зычный голос был и правда недоволен.

– Не люблю оставаться с девчонками, – выпалил я.

Смелость раскупорила вены, тепло и отвага потекли под кожей. Двадцать секунд, пятнадцать, десять. Я закрыл глаза, сжал в руке камеру и глубоко вздохнул. И знаете? Мир превратился в шутку. Все эти правила, эти формальности, это показушничество, это стремление сделать нормально. Математика никуда не денется. Тётки из комиссии будут вечно. Моя тройка в этой четверти не подлежит сомнению. Почему я не должен в этом участвовать?

Пятиклассник Тима, которого Томаш посадил за пульт в театральной студии, начала на кнопку. Дзиинь! – звук лезвием прошелся по барабанным перепонкам. Заиграл тот самый гитарный риф из песни.

Дальше происходило то, что и стало эксклюзивом.

Лиор и Никита встали ногами на столы. Учительница онемела, ее реально превратили в дерево эти звуки. Я выбежал перед ней и начал снимать. Школа грохотала музыкой.

– Это... что вы позволяете... – Одна из тетенок министерства лепетала эти слова. Музыка сглотнула слова без остатка.

Черные очки на королях появились именно в этот миг. Девчонки вскочили с мест, встали сбоку от парт. Славик и Никита пошли ногами прямо по партам. Ботинки тактом отбивали ритм песни. Ребята шли к окну.

Я выбежал перед ними, снимал, ощущая взгляд учительницы. Но она дерево, помните?

Алина подошла к парням, поклонилась и дала им корону на бархатной подушке. Ту самую, из поездки на природу, и ее копию. Никита нацепил корону. Славик нацепил корону. Они были два короля. Или королевы. Сколько высокомерия и важности в этом.

Ладушка поклонился и настезь распахнул окно. Оба выпрыгнули в него, и все вскрикнули. Окно первого этажа скоро поглотило и меня. Я, держа стабилизацию, аккуратно и быстро слез. Воистину помогало провидение.

– Что вы творите? – прорезался голос у математички. – Что это за безобразие?! Что за кошмар! Таволайнен! Лиор! Все!

Математичка осеклась, увидев сорок человек на улице.

Они танцевали синхронно, от этого голова кружилась. Четыре огромных старшеклассника стояли около паланкина из местного тюза. Я снимал, не видя преград. Выпрыгнув из окна, медленно преследовал наших королей. Старался плыть, давал плыть изображению.

Из толпы две танцующие восьмиклассницы надели на Лиора и Никиту меха и соболя меньше чем за три секунды. Отлаженность действий меня поразила.

Та-та-та-там... Музыка затухла, мы ведь вышли из школы, но кто-то включил плеер. Мощный гитарный рифф, когда Лиор и Киткат встали паланкине. Четверо парней превратились в носильщиков, и понесли.

Я выбежал перед ними, шел спиной вперед. Надо идти быстрее, чем их несут. Черт. Как на гололеде меня не вынесло на дорогу?

Массовка шелкала парными и резкими движениями энергетика. Короли сидели с пластиковыми фужерами на паланкине. Потом – рраз! – стали повелевать движениями толпы. Толпа выбежала вперед, она приветствовала их. Паланкин поворачивал на хоздвор. Музыка разрывала все происходящее.

На хоздворе короли спрыгнули. Массовка расступилась, склонив колена. Короли подошли к жутко старой двери, ведущей на пожарную лестницу.

Заиграл второй куплет.

Двери открылись, там был Марк, с бердышом в руке.

Под пыльным потолком завертелись четыре дискотечных шара. Разноцветные огоньки заплясали по грязным стенам. Неиспользуемые, но рабочие розетки не подвели. Музыка загрохотала. Как мне хотелось плясать. Но сквозь пальцы мои текла энергия куда более полезная.

Скинув соболя и, выбросив бокалы, скинув короны, Славик и Лиор гордо зашагали по лестнице на второй этаж. А там, у выхода в коридор стоял Стефан в одежде священника.

Брызнув на них водой, он распахнул двери. Бааамс! Лежащая на полу толпа прижалась к стенам коридора. Короли шли, как подобает, с высокомерием. Они были одним целым и шли, как неживой, уверенный в себе предмет.

– Что за ерунда! Выключите музыку! – Голос Марианны, что неслась по коридору, заглушали стучащие каблуки. – Выключите!

Лиор и Славик подошли к ней, но мускулы на лице их взяли выходной. Парни выступили вперед, закрыв меня от завуча. И тут толпа внезапно подхватила их обоих. Они взмыли перед завучем в воздух, как велел сценарий. У меня была секунда, чтобы выбежать вперед перед ними.

– Лиор! Таволайнен! Остановитесь! Что это за кошмар!

Другие учителя высыпались из учительской, из классов, из кабинетов, высыпались в коридор и на лестницу. Они не понимали, что происходит. Громкая музыка была наименьшим из зол. Музыка убивала весь гнев изо рта Марианны.

Славика и Никиту спустили вниз, и перед ними расстлала красную ковровую дорожку. Парни шли по ней вниз, их осыпали блестками, рваными бумажками из школьных тетрадей в клетку. Они шли к дверям. Камера шла за ними и тянула меня.

Мы вышли на улицу.

Свет ослепил, солнце нещадно палило прямо на крыльцо. На улице толпа лежала прямо на асфальте, еще не заснеженном. Она встала и начала танцевать. Актеры тысячелетия встали на краю крыльца, обернулись к камере, впервые посмотрели прямо в нее. Темные очки спущены. Они беззвучно сказали они, засмеявшись.

Все замерли, растерявшись. Камера все еще снимала. Я обладал силой держать этот миг, сколько мог. Пока я не скомандую, никто не возвращается к реальной жизни.

– Ахуеть! – К нам несся Марк.

Он по дороге врзался в учителя биологии и даже не заметил этого. Я поднял голову. Из окна первого этажа на нас глядели две проверяющие тетеньки из министерства.

– Просто пиздец, как круто, – добавил Марк.

Марк упал лицом в лужу, поднялся и продолжил бежать. Я снова нажал REC на камере, и запись прекратилась. Волшебное мгновение закончено. Теперь разберемся с последствиями.

Про первое сопротивление и первый деньги.

На следующий день наступил декабрь. Нам назначили дисциплинарное слушание, весь предыдущий день нас убивали ожиданием в учительской. Пригласив на встречу, ее переносили на час позже, потом снова, потом снова. Марианна была в бешенстве. Родителям позвонили в тот же день. Так и не поговорив с нами, отправили домой.

Батя усадил меня за стол напротив себя и грозно уставился:

– Ну ты там... это... не хулигань.

– Да боже ж мой, орать на тебя некому! – Мама была в прекрасном настроении после гулянки на работе, и потому истерика была театральной. – С кем ты связался? Кто они такие?

– Одноклассники, как и Томаш. Мы кино снимаем, – сказал я, прикидывая раскадровку маминых метаний по квартире. – Это офигительно получилось, невероятно!

– Привлекай к себе внимание как-то скромнее. Ну, в конец концов, некрасиво урок срывать!

Порка наконец назначена на 14:00. Утром была литература, Марианна еле сдерживалась. Директор интересовался, когда клип посмотреть можно. Комиссия доложила о поведении учеников на уроке, объяснив это провокацией с нашей стороны. В администрации обсуждали опасность «малоизвестных» музыкальных групп для города Палатинск.

В этот же день мы признали, что нас знают примерно повсюду в городе. С нами знакомились, нас приветствовали. Нам жали руки старшеклассники, с нами фотографировались уже чаще. Трудовик, ничего не понимая, но сказал, что молодцы. Лиора и Славика даже гопники на крыльце узнавали. Подходили, предлагали помощь в решении вопросов.

Но главное, что ничего не понимали мы. Ролик вышел эффектным, он разошелся по всем телефонам. Его увозили с собой в лагеря, в спортивные секции, в кружки и музыкальные школы. Все видели ролик, и мы испытывали последствия.

В итоге мы ждали в кабинете у Марианны, ждали расправы. Пахло фруктами. Особенность школьных запахов такова, что фрукты появляются только зимой. День учителя, время дней рождений. Палатинск северный город, лицей Северный, дарить фрукты в унылую зиму есть тон хороший.

Марианна вошла, не взглянула на нас. Мы стоим, как на расстреле.

– Садитесь. – Вбивая невидимые гвозди своим голосом, она указала на диван рядом.

Мы уселись на небольшой диван, впившийся в шкаф. Рядом на полочках лежала толстенная папка тетрадей, которую Лиор тут же опрокинул.

– Извините.

– Знакомьтесь с Марией, – холодно отозвалась Марианна, смотря поверх очков.

– Можно просто Маша, – раздался аккуратный, тонкий голосок.

Сбоку от нее и правда появилась женщина. Маша была очень маленькой. Субтильная женщина, со шляпой, с сумочкой, со странной челкой, ей было за пятьдесят. Она одинаково могла быть занозой в заднице и священной матроной.

Мы проблеяли в ответ приветствия.

– Мария главный редактор школьной газеты в Южном округе. – Марианна не беседовала, а предъявляла задание. – Готовится выпуск о нашей школе. Вашу энергию направить бы в это русло. Маша, в твоём распоряжении целых шесть рук.

Я видел эту газету. Знаете, там есть рубрика «Дежурный по номеру», куда брали показных неформалов, эмо или ска. Где темы типа «Моя первая любовь?» или «Как справиться с волнением перед контрольной». От газеты пахло духотой. Официальное уныние издавалось тиражом в 550 экземпляров.

– Мне сказали, вы творческие мальчики, – залезила эта Маша пальчиками по сумочке. – Это очень большая ответственность, газету получает министерство. Научу вас писать статьи. Ребята наши помогут вам с текстом, с фотографиями.

Я глянул вбок. Таволайнена скрывал шкаф, и в его руках была одна из тетрадок. Это явно была тетрадка на проверку. В руках у Никиты была ручка. И улыбался он недобро.

– Вы сможете реализовать свой творческий потенциал, – верещала Мария. – Денег у нас нет, все добровольно, газета распространяется бесплатно, но ее можно купить за символическую плату в пять...

Никита принялся изображать из себя учителя, и нарисовал в тетради огромный член. Лиор прыснул.

– Вам смешное что-то говорят? – рявкнула Марианна. – Таволайнен!

Киткат быстро кинул тетрадь в общую кучу.

– Тут я.

– Что «тут»? Задание понятно? Договаривайтесь о встрече.

Марк вдруг помотал головой:

– Простите, но нет.

Марианна повернула голову вправо так быстро, что хрустнуло в воздухе.

– Войцевски, где твоя совесть? – спросила она. – У вас она на шестерых? Бегать по партам на уроке, подговаривать учеников других классов, взлетать передо мной на руках чужих! Это можно, а поработать для школы нельзя.

– Но ведь там уныние! – вдруг сказал я. – Марианна Владимировна, это же скучнейшая газета в мире.

Мария ни разу не оскорбилась. Видимо, в глубине души знала это.

– А ты все читал, чтобы такое говорить мне и главному редактору? Ты главный зачинатель всего вашего безобразия.

– Я только снимаю на камеру.

– Вы не в том положении сейчас, чтобы спорить. – Марианна теряла терпение. – Вас не исключили только потому, что директор за вас заступился. Сказал, так и планировали.

Марк присвистнул, и тут Марианна начала закипать в свойственной манере чайника.

– Ребята, у вас очень-очень-очень превратное представление о нашем муниципальном вестнике, – начала была Мария

Боже, это «очень-очень-очень» напоминало сюсюканье с годовалым ребенком. Марк заглянул в глаза каждому, собрал невидимое мнение, и обратился к главному редактору:

– Извините, мы не занимаемся текстом, мы делаем кино и телевидение.

– Мы не хотим работать в газете, – подтвердил Стефан.

– Ребята, какие же вы упертые, это же такая большая возможность.

– Ваша газета, – покачал головой Марк. – Простите, она самая неинтересная в мире.

– Так, все! – Марианна хлопнула по столу. – Маша, подождете меня в коридоре? Эти оболтусы считают, что они тут главные.

Мария быстро выпрыгнула из класса. Свинцовая тишина напозла нам в уши.

– Вам тут не базар, черти. – Марианна поднялась со стула. – Вам побунтовать хочется?

Марк вдруг встал, и мы встали за ним. Учительница литературы восприняла это с отвращением.

– Мы приносим извинения, что сделали это перед комиссией. И приносим извинения, что сорвали урок, – четко сказал Марк, заражая и нас уверенностью. – Больше этого не повторится. Но хотели справедливости. Мы всего лишь хотели вернуть телевизор на большой перемене.

– Кого?

– Телевизор.

Марианна посмотрела на нас тем самым взглядом, что появился потом, спустя полтора года, в ответственный момент. Ее глаза так и вопили: «Ради этого? Ради этой чуши вы устроили это шоу? Ради такой дурацкой вещи? Вы что, совсем тупые?». Марианна не любила и не понимала подростков.

– Телевизор запрещен на больших переменах, это не обсуждается, – сказала Марианна.

– Но нас даже не спросили.

– Почему вас должны спрашивать? – возмутилась Марианна. – Вы не взрослые люди.

– Ну вот мы и говорим нет.

Марианна хотела сделать резкое движение, но осеклась. Костяшки пальцем постучали по столу.

– Если мне сообщат, что это видео вы кому-то передали, мы вас исключим.

– Тогда исключайте сейчас. Оно повсюду, мы всем распространили.

– Да что ж это такое! – Марианна подошла к двери, распахнула ее, и в кабинет ворвались гулкие эха школьников. – Терпение закончилось. Вон.

– Мы просто снимаем кино, – жалким голосом завопил Ладушка, боящийся своего отца.

– Вон. Больше на территории школы вам ничего сделать не удастся. Ни снять на видео, ни напасть на уроке, ни оскорбить преподавателя. Не хотите по-хорошему – будет никак. Я всё сказала. Что смеетесь, это правда. Уставом школы запрещено снимать. Я говорю вам от имени устава.

Марк разогнался. Он, своим подростковым умом, тщательно подбирал слова, и ни капли не боялся.

– У нас ведь был хороший лицей, – твердо сказал он. – Но учителя все хуже и хуже.

– Марианна Владимировна, как они у вас разговаривают! – воскликнула Маша.

Марианна сдержалась.

– Если еще одно ваше видео будет снято под этой крышей, это будет официальное основание для вашего отчисления. Пойдете в девятнадцатую школу напротив, где по пол-класса на учете в детской комнате милиции.

– Мы не будем терпеть ничего плохого, – сказал осмелевший Стефан.

Марианна промолчала.

Мы со смесью смирения и победы вышли за двери. Мария, слабым плечом своим сбивая нас в угол, ворвалась в кабинет:

– Марианночка, ну давай поговорим хоть, столько не виделись.

Дверь захлопнулась.

Мы понуро вышли в коридор, дошли до окон, сели на подоконник. Переваривали взрослые решения, эмоции. Как жаль, что никто не говорит тебе, правильно ты поступаешь или нет. В этот момент из-за угла вышел Томаш. Он был разъярен, шагал яростно, на лице величайшее раздражение.

– Вот вы где! – Он руками очертил невидимый круг перед собой. – Вот кто я из-за вас, гондоны. Ноль.

– Ля, он умеет материться, – заметил Таволайнен.

– Я не президент школы, мне нет доверия, потому что я связан с вами. А я не связан с вами! – Его трясло от гнева. – Марианна, эта Марианна. Директор хороший, все завучи нормальные, но эта тетка министерская! Чтоб она.

Томаш выдохнул, как паровоз выпускает дым. Мне не доставило удовольствие смотреть на брата, оставшегося ни с чем.

– Тебя правда попросили не быть президентом школы? – спросил я.

– Да. – Брат выглядел потерянным мальчиком, у которого отобрали игрушку. – Это временно, но общее настроение Марианны к этому идет. Денег нет. Текучка учителей. Вы еще добиваете со своим творчеством. Знаете, что на следующей неделе возобновляется музыка?

Музыки у нас в этом году еще не было.

– Ее будет вести подруга Марианны. Она раньше работала, помните?

– Нет! – завопили все, кроме меня. – Боже, нет! Только не эта!

– Что такого? – не понимал я.

– Из-за нее уволили Борисыча, предыдущего учителя, – Томаш говорил и размышлял, и со стороны выглядело, будто бредит. – Отличный мужик. Но Марианна решила пристроить подругу, и эта подруга ужасна. Вы можете сорвать урок музыки?

Меньше всего на свете мы готовились услышать противоположное из этого рта.

– Снимите это на видео, и распространите, – кивал Томаш самому себе. – Хотите, я поучаствую?

– Ну дела, – вырвалось у Стефана. – Томаш, душа моя, ты серьезно?

– Так нас исключат же, – начал было Лад.

– Вы идиоты? – Брат засмеялся. – Вас шестерых никто не исключит. Это огромный геморрой для директора. А теперь, когда у вас поддержка, с вами только договариваться будут. Чего молчите? Вы вечно трещите, а тут замолкли.

Я глянул на Таволайнена. Он подумал и тут же сделал «гопака», раскидывая свои длинные руки и ноги перед Томашем. Мы заготовили от неумелых движений.

– Это танец в честь посвящения, – хлопнул в ладоши Лиор. – Ты теперь на нашем телевидении, пиджачок. Урок музыки так урок музыки.

Прозвенел звонок. Мы пошли на обществознание. На следующий день позвонила бабушка Лиора. Все диски ушли. На другой день начались звонки Стефану на его телефон (его

номер был указан на диске). Он принимал предзаказы, озвучивая двадцатку за диск. Десятку стоило сырье, и десятка – наше творчество. Но это лучше, чем ноль. Марк был в восторге. Мы пока совсем не понимали, что происходит.

Клип сделал круг, и пришел в лицей извне, с новыми учениками. Целую неделю мы наблюдали за группками школьников, которые тусовались по углам и пели текст на английском языке, пересматривая видео. Текст, конечно, не переводили. Символично, то на вторую половину декабря был назначен первый урок музыки. Мы уже приготовили пятерку новых дурацких видео, снятых вне школы, и теперь готовились ко второму эксклюзиву.

К дню икс мы продали первые двадцать два диска. У нас было две сотни мелочью, и это было настоящее сокровище.

Про урок музыки

Новогодняя атмосфера лени компенсировалась моими встречами с Марком. Я ездил до его дома четырнадцать остановок, до станции «Глория». Там нужно было идти еще минут пятнадцать до его дома. Войцевский был трагической фигурой в этом автобусе. Ведь автобус, который приезжал в эту глушь, отходил от дома, в котором была одна из квартир отца Марка. Трагизм потраченного времени. Ты можешь тратить минуту, но тратишь сорок.

Обсуждение стратегии наших будущих планов было в традициях Голливуда. Мы тогда только посмотрели первый сезон «Prison Break», где гениальный инженер планировал побег из тюрьмы, обложившись ватманами и стикерами. Стикеров мы не нашли, потому нарезали черновики и сидели на полу, делая пометки в случайных местах. Выглядело очень эффектно.

– У нас ведь два варианта. Либо ждать, когда Лиор и Никита войдут в раж, – рассуждал я. – Либо ставить скучные постановочные вещи.

– Подождем, – вдруг сказал Марк, когда мы пошли посмотреть на куриц в курятнике.

– Чего?

– Еще одного эксклюзива. – Марк был загадочен.

На следующий день мы сидели в рекреации на первом этаже. Зимнее утро изобрели в аду, чтобы мучить им школьников.

– Привет всем.

Томаш купил новый костюм, купил новый черный галстук. Лица попроще в магазине, видимо, кончились.

– Урок музыки, парни, – подмигнул он.

На моего двоюродного брата повернулись шесть голов.

– Ты выглядишь как мумия в этом пиджаке, – резюмировал Лиор.

– Что намерены делать? – допытывался Марк.

– Импровизировать, – отмахнулся Таволайнен. – Не подгоняйте нас, посмотрим.

Томаш не успел отреагировать, прозвенел звонок. Камера уютно лежала в моем рюкзаке. Мы вошли в класс, на первый в этой четверти урок музыки. В нем Томаш сыграл главную и единственную роль в наших видео. В классе уже была она. Нельзя судить о людях по лицу, но эта была совершенно неприятная дама.

– Садитесь, дети. – Голос был похож на голос Амбридж из «Гарри Поттер и Орден Феникса». – Нет, не так.

Мы с Лиором сели вместе. Она взяла меня за руку и отсадила.

– Но мы сидим вместе, – начал было я.

– Вы учитель?

– Нет.

– Тогда вы делаете то, что учитель скажет. Мальчик и девочка сидят вместе. Так делают в нормальных школах.

Мы сели.

– Меня зовут Лидия, – говорила она, смотря в глаза то одному, то другому. – Мы с вами будем заниматься музыкой. Мне рассказывали, что вы музыкальные клипы любите снимать. Много слушали музыку, значит. Вот и посмотрим, как вы в этом преуспели.

Томаш поднял руку.

– Мы бы хотели сидеть вместе, – заявил он.

– Вы перебиваете учителей? – оборвала его Лидия. – Вы из какого района?

– А это тут при чем?

– Если вы до этого учились в загородной школе, где так разговаривают, так возвращайтесь туда.

– Простите, – поднял руку Томаш. – Мы не будем слушаться, если вы так будете себя вести.

Молчание в классе приобрело желейную форму, твердую и осязаемую. Мы с марком переглянулись, и нашли замешательство в лицах.

– Не слушайтесь, – согласилась Лидия. – Тогда вылетите из класса. Сели, как сидите. Любое нарушение дисциплины – удаление из класса.

Потом Лидия объясняла нам, что значит слово «музыка». Пыталась подкупать, раздавая календарики за каждый правильный ответ. Кого это могло вообще убедить? Но мы не дураки, календари взяли. Спросила, ходит ли кто-то в музыкальную школу. Лишь Лиор брал несколько октав, но это походило на кошачий вой.

В классе из-за чугунных батарей отвратительно жарко, и мы попросили открыть окно.

– Это не положено, – заметила Лидия.

– Но нам жарко, – не унимался Томаш, а он привык, что к его мнению прислушаются. – Вам же тоже жарко.

– Я сама решу, спасибо. Так, всем жарко?

Все боялись слово сказать.

– Ладно, открывайте. Вон то, последнее.

Я ощущал себя как в тюрьме. Только решетки между ей и нами не хватало. Томаш открыл окно, стало немного легче.

– Теперь мальчики к доске, – громовым голосом объявила учительница. – Сейчас они будут петь, а все остальные молчать. Вы, – ткнула она в меня пальцем. – Расставьте портреты бардов у доски.

Я взял портреты бардов и поставил их. Мне не нравилось делать то, что говорит новая учительница музыка.

– Парни, давайте, вас всего семеро. Выходим к доске, а я сыграю.

Делать нечего, вышли. С тетрадками в руках начали петь какую-то муть, я уже не помню текст. Девочки молчали, не выказывая никаких эмоций. Лидия сидела к нам спиной, за пианино.

– Больше темпа! – Пальцы в перстнях дубасили по клавишам.

Мы блеяли и смотрели друг другу в глаза со странной смесью собственной беспомощности и унижения.

– Душу, душу, мальчики, выворачиваем!

– Ну, ща я тебе выворочу, – вдруг прорычал Томаш, и в его руке непостижимым образом оказался мел. Он повернулся к доске и нарисовал барду с гитарой огромные усы.

– Не слышу ритма! – Учительница даже не оборнулась, так увлеклась. – Больше, больше духовности в слова!

– Ща будет – отозвался брат и начал писать на доске причины, за что он любит учителя пения. Причины были проиллюстрированы.

Я не знаю, как пели мы. Всё тряслось, хотелось расхохотаться. За две минуты Томаш исписал большой кусок мела. Человечки, органы, усы – триединство школьной доски тех времен. Внезапно музыка закончилась, и мы резко сомкнули ряды, закрыв собой исписанный кусок доски и портреты. Учительница поднялась со стула.

– Ну что, я недовольна, – улыбнулась она. – Пела слабо, «шарик» не тянули. Больше тройки поставить не могу. Садитесь.

– За музыку? Тройку? – Лиор был отличником, это было наивысшее оскорбление.

– Да кто же вас так воспитывает, – поджала губы Лидия. – Родители ваши исполняют свои обязанности правильно? Или семьи неполные?

Доска словно жгла спины. Учительница отвернулась, и тут Лиор загоготал. Я еле-еле успел закрыть ему рот своей рукой. Она услышала и обернулась.

– Что-то не так? —спросила она, глядя на задыхающегося от смеха Славика и меня, закрывающего ему рот.

– Всё нормально, это он от счастья, – затараторил я. – Спасибо большое за оценки, мы можем сесть?

– Да садитесь, я вас не держу. Так, а это что?

Мы, давась от смеха, пошли к своим местам.

– Ну! – Лилия ткнула пальцем в усы мужика, переплетающиеся с солнышком в углу доски. – Кто нарисовал?

– Это я! – Томаш радостно поднял руку.

– Встаньте и сотрите. Доложу Марианне Владимировне.

Это был ледяной, безжизненный голос. Ну вот как такие люди рожают собственных детей? Томаш стер. Лидия снова взяла его за руку, и Томаш ее одернул:

– Не трогайте меня, мне неприятно, – сказал он.

– Здесь никому не приятно смотреть на ваше творчество. Глупое, как вы. Еще одна оплошность, и вы выйдете отсюда. А теперь сядьте.

Томаш сел. Я повернулся к Таволайнену. Он сдерживал смех, и мне сразу стало легче. Лидия снова уселась за пианино, теперь у доски были девочки. Как она дубасит по клавишам, с силой гигантского динозавра. Инструмент шатается под ними, он ее ненавидит.

– Голос выше, шарик дуееем! – кричала она. – Где ритм, где вся душа?!

Я и Томаш сидели друг за другом, в нас закипал гнев. Славик сидел перед ним. Лад потянулся на парте, зевнул и ткнул спящего Славу. Тык-тык.

– Сука! – проснулся Лиор, подскочив на стуле. Почувствовав боль в боке, он повернулся к Васильеву. – Ты чего?

– Мне скучно, поговори со мной.

– Вон батарея рядом. Разговаривай сколько хочешь, – махнул Славик рукой и опять удобно растянулся на парте.

Томаш удрученно посмотрел на ржавую батарею, потом на спящего Лиора, который похрапывал в ритм Никиты. Тот уснул сразу после песни в начале урока. Я достал камеру, большая голова излечилась. Тык-тык.

– Мать твою! – взвизгнул Славик. – Что ты со мной делаешь?!

– Тыкаю, – удрученно ответил Томаш.

– А чё так-больно-то?

– Это циркуль. Лиор развлекал меня. Ты у нас главный клоун.

– Сам ты клоун.

– Ну я не могу сидеть и слушать её вопли. Давай, придумаем чего-нибудь?

Славик лёг на парту, потом понял, что сон пропал. Ударил кулаком по столу и гордо выпрямился.

– Давай возьмём мусорное ведро и разбросаем мусор по полу, – вдруг сказал Славик.

Васильев покосился глазами на пластиковое ведро, стоящее рядом с входной дверью. Глянул на Славика, в глазах которого уже начались загораться огоньки.

– Это ведь чересчур, – протянул он с сомнением.

Лиор покачал головой с улыбкой до ушей. Он, скорее всего, даже не подозревал, что Томаш реально отважится на такое.

– Не сможешь, чмошник, – улыбнулся Лиор.

– Я?

– Ты, пиджачок. Не сможешь.

– Ну ладно, хрен с тобой, – пожал плечами он и потянулся к соседней парте.

На втором ряду сидели Света с Наташей, которые что-то беспрерывно обсуждали.

– Свет, – тихо позвал он, хотя в таком шуме следовало бы орать. – Света, блин!

- Да чего? – отозвалась разозлённая Света.
- Ведро дай.
- Зачем?
- Ну дай.

Света готова была отдать все, лишь бы не мешали болтать. Ведро оказалось в руках Томаша. Гром Лидии усиливался, она играла поразительно безвкусный шум. Брат возомнил себя игроком в боулинг и пустил по проходу между рядами ведро. Оно врезалось в ногу Никиты, который проснулся.

У меня вырвался вздох предвкушения прямо в микрофон камеры. Поющие девочки видели разворачивающееся шоу. Никита увидел нас, и пнул ведро в его сторону. И это ведро, разбрасывая мусор налево и направо, прикатилось к первоначальному пункту. Люди по обоим рядам смотрели, как мимо них прокатывается ведро, осыпая их исчерченными бумажками в излитых чернилах.

- Темпа не снижаем! Не снижаем темпа!

Томаш толкнул ведро к Киткату как бильярдный шар, с точностью и нужной силой. Никита грязным ботинком отправил его обратно.

- Ради чести – прошептал Лиор и, выхватив ведро, руками швырнул его прямо к доске. Ведро с остатками мусора врезалось в доску.

Первые парты и учителя окатил дождь из жеваной бумаги и этикеток от сладостей. В Лиора прилетел использованный чайный пакетик. Лидия обернулась, когда мимо неё пролетело мусорное ведро. Оно с диким грохотом врезалось в доску и, выпустив облако из мела, грохнулось на пол. Класс взорвался раскатами смеха.

– Это кто? ... Это как? ... Это где? – Растерянность поглощалась злостью в этом громовом голосе учителя пения.

Таволайнен умирал со смеху. Марк пытался напустить на себя серьёзное выражение лица, но это совершенно не получалось. Лицо Лада напоминало лицо хомяка, испуганное ерундой. Мне в камеру подмигивал школьный президент школы.

– Ну, хорошо, – отозвалась потерпевшая поражение учительница. – Прекрасно, просто прекрасно! Ну-ка живо встать! – рявкнула она с такой силой, что воробьи с деревьев мигом разлетелись.

Класс только успокоился, но не встал.

– Я не поняла, – слабовато осведомила учительница. – Мне что, докладную директору писать?

– Но это не мы делали, – залепетали было девчонки.

– Вот и поговорите с теми, кто вас подставляет после уроков. В моей школе так делали. Это называлось «устроить темную».

– Чего устроить? – искренне переспросил Стефан.

– Поднимай руку, когда говоришь! – расвирепела учительница. – Встать!

Класс молчал. Именно в этот момент Никите понадобилось хрюкнуть и рыгнуть, сдерживая свой дурацкий смех. Класс снова рассмеялся.

– Тогда ладно, – резко отозвалась Лидия, беря листок бумаги и ручку в свои руки. – Сейчас я пишу докладную и отношу её директору.

Девочки мигом притихли. Томаш горделиво выпятил грудь. Лидия села за стол и начала писать. Старательно выводя буквы, она иногда посматривала на Ладислава и Лиора с великим потрясением. Но ведь вы помните, что Томаш сидел на предпоследней парте, прямо рядом с открытым окном.

– П-с-с, – подозвал нас он. Мы обернулись.

Томаш указал на Таволайнена. Тот потихоньку пересел к брату за парту. Тот ему что-то нашептал. Таволайнен, выслушав Томаша, кивнул, подождал немного и встал из-за стола.

Он сделал это деликатно и тихо. Учитель продолжал писать, не отрываясь от листа. Столь же деликатно Никита ПОДНЯЛСЯ НА ПОДОКОННИК И ВЫШЕЛ В ОКНО.

– Я не поняла, что за шум? – проснулась Лидия, подняв голову. Она увидела лишь наши затылки, но мы мигом обернулись. Смерив нас строгим взглядом, она продолжила писать, а мы сидели совсем пораженные.

– Он вышел в окно, – пролепетал я закадровым голосом. – Не переживайте, тут первый этаж, а там сугроб. Но он вышел в окно!

– Псс.

Снова этот голос, и это был Томаш. Он завлекал к себе Лиора. Но Славик сидел на первой парте, и оставить после себя пустое место было затруднительно.

– Меняемся, – прошептал я. Мы аккуратно поменялись, Лиор оказался на второй парте, я на его месте.

Учитель был поглощен всей накопившейся злобой и продолжал скрипеть ручкой. Я снял, как в окне исчез и Лиор. В классе было на два человека меньше. Еще за минуту исчезли Ладушка и Бустендорф. Томаш все продолжал сбрасывать людей с тонущего корабля. Ждал, пока учительница это заметит. Девочки смотрели на нас как на идиотов, они шикали. Я же снимал их широко раскрытые глаза.

– Докладная готова, – звонко срезала тишину Лидия, встав из-за стола. – Дисциплина будет влиять и на вашу успеваемость, и на увеселительные мероприятия. Вам их могут запретить, к слову. Итоговая отчетность... Что-то вас мало.

Мы еле сдержались. Томаш лишь развел руками и молился, чтобы шутка раньше времени не взорвалась.

– Нас столько и было, – закачал головой мой брат.

– Вы меня за дуру держите? Вас как зовут?

– Томаш.

– Что это за имя?

– Чешское.

– Вы что, чех?

– Какое это имеет отношения?

– Отвечайте на вопрос.

– Какое это имеет отношение?

Лидия в холодной ярости отошла к столу, чтобы вытащить что-то из сумки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.